18+

НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВ

РЫЦАРЬ ЗЕРКАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ

Николай Герасимов

Рыцарь зеркального отражения

«Издательские решения»

Герасимов Н.

Рыцарь зеркального отражения / Н. Герасимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748535-1

Реальность — это черноволосая девушка и её странный брат, увлекающийся идеями утопического социализма. Всё остальное — расколотый мир воспоминаний и призрачная боль, связывающая фрагменты прошлого в цельную историю. Вместе с главным героем читателю предстоит окунуться в мир, переживший загадочную гражданскую войну — войну, о которой никто не хочет говорить.Дебютный роман Николая Герасимова понравится тем, кто в равной степени любит киберпанк У. Гибсона и чувственную прозу Э. Ремарка. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748535-1

© Герасимов Н.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 44

Рыцарь зеркального отражения
Николай Герасимов

© Николай Герасимов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ноги девушки и их стройность сквозь ткань чёрного платья, талия, обтянутая материей женского корсета, а потом – магистраль ярких огней, дорога, уходящая вдаль и неуловимые смыслы, теряющие свою идентичность под напором скорости грязного, как небо, автомобиля.

Час назад – импульсы света, громкая музыка и шум поддельного общения – мгновения выключенные из мира жизни. Дело не в отсутствии предмета разговора – это совершенно необязательная и часто лишняя деталь диалога. Пожалуй, дело – в боли при столкновении с пустотами танцпола. Он всей своей природой указывал на несбалансированные участки человеческой коммуникации. Здесь кипит жизнь, а тут – царит уныние, здесь кого-то давно ждут, тут никого никогда не ждали. Вечер как вечер. Полное совпадение с самим собой меня всегда немного удручало. В тот день я был слаб и, возможно, поэтому заманчивая мысль растворить себя в упаднических улыбках своих как-бы-знакомых и как-бы-приятелей сыграла надо мной злую шутку. По обыкновению подпирая барную стойку своим немощным телом, я меланхолично поглощал холодный чай из нежно-сиреневого стакана. Чай действительно был холодным, холодным оказался и стакан, и пластиковая трубочка и рука бармена… О эта рука бармена! Волосатая, холодная щупальца хищника постиндустриального общества… Однако озноб, который прошиб меня после первого глотка, не остановил моё стремление завершить вечер как можно более погано. Недолго думая, я бросил свое мерзкое занятие и ушёл уничтожать оставшуюся у меня в кармане мелочь на игровые автоматы. Играл с надеждой упасть в своих чувствах как можно глубже, а проиграть как можно меньше.

Спустя какое-то время стало ясно, что затея пахнет серьёзным противоречием, но я всё равно покорно отдался в лапы ненавистной мне логике мира. Проиграв значительную сумму «Космическим захватчикам», «Ящерице» и «Охотнику на динозавров», я проанализировал своё текущее состояние. Где-то между уныло-скучно и отвратительно-мерзко.

Почти удалось. Осталось лишь вписаться своим антихореографическим искусством в пространство танцпола, разбить гармонию прекрасных движений в сумраке клубного света.

Это я всегда умел.

***

Наш клуб был замечательным заведением. Самым лучшим, правда. Два больших помещения – одно для того, чтобы пить и говорить, второе – для того, чтобы танцевать и избегать общения. Низкий потолок заведения иногда компенсировался немноголюдностью и немногословностью публики. Узкий коридор после гардероба вёл всё время куда-то вниз – идти нужно было около 2 минут по неосвещённому пути. Складывалось впечатление, что заведение располагалось где-то между тектоническими плитами. Какого чёрта администрация не позаботилась о лифте!?

Когда год назад здесь устроили «каска-пати», то выглядело всё это вот как: «Шахтёры» весело стукались головными уборами, смеялись, хлопали друг другу по плечу и продолжали своё путешествие по безднам клубных пещер. А некоторые посетители почему-то поспешно извинялись и старались пройти злосчастный участок как можно быстрее.

Не любители – одно слово, да и попали сюда случайно, это точно, завсегдатае рады каждой новой затее, даже этому идиотскому карнавалу.

Провода в первом помещении для распития напитков свисали, подобно экзотическим змеям – то ли анакондам, то ли питонам – страшные, жирные зверюги обвивали не только шероховатые уступы для игровых автоматов, но и колоннады, на которых и держался этот маленький мир подземельных утех. Словом, хорошее заведения! А ночью джунгли: звук урчащих животов, похотливых диалогов-уламываний в манере «ты – да, и ты – тоже очень даже да». Взоры охотников за новой плотью. Быстро-быстро-быстро.

***

Denergized – She'll imitate.mp3

В тот вечер шум клубного света как всегда расплывался в мутной жиже дымовых выделений невидимого агрегата, спрятанного где-то под пультом DJ-я. «Спец-эф-фект» – однажды чётко продекламировал мне гуру электронного саунда – хозяин звуковых колебаний этой подземной дискотеки. Лампа, «моргающая» импульсами яркого и неестественного света всегда как будто вбивала по эфемерному гвоздю в ткань дымной материи, заставляя её принимать какие-то причудливые формы. В этой игре метафизических объектов всегда терялись тела вполне материальных посетителей. Чёрная сеточка, латекс, чулки, яркая обводка вокруг глаз, тушь – всё это создавало внешность тела, её посюсторонность для глаз наблюдателя. Внутренности, вошедшие в конфликт со своей противоположностью, часто порождают пустоту. Они либо растворяются в мире объектов, либо просто исчезают, уничтожая и тело, и его внешность. Поэтому важно, чтобы имидж гармонировал с внутренностями. Болезнь не сочетается с праздностью. Попытка нарушить это чревата плохими последствиями – пустотой. Когда усталость накрыла меня с лихвой, и я свалился на диван, передо мной провальсировала пустота только что исчезнувшего тела. Что-то подсказывало мне, что пустота имела женский силуэт. И я не ошибся. Бывает и такое.

***

С Максом мы познакомились случайно.

Два дня подряд я «зависал» у Полины. Запах сканка, скрип кровати, а потом слова-слова-слова. Настольная лампа в дальнем углу комнаты лишь на четверть освещала то, что можно было бы назвать спальней. Пластиковые ящики занимали почти всё пространство. Звонкий голос девушки, её пухлые губы, простыня, сквозь которую были видны её длинные ноги и много слов о будущем. Игру предложила мне Полина. Мы должны были говорить о том, что станет с нами через n-е количество лет. Я всё время молчал и любовался чёрными локонами её волос. Полина рассказывала что-то об эпохе свободы, что-то про то, как мы с ней выйдем на улицу и босыми ногами будем бежать вдоль улиц, пока не устанем. Она была такой энергичной. Мне казалось, что у неё лихорадка.

Я на мгновение испугался и решил проверить температуру – коснулся ладонью её лица. Реакция была поразительной и неожиданной. Она схватила мою руку и не хотела её отпускать. Кожа на её лице была горячей. Я почувствовал, что у неё испарина. Капелька пота скатилась с её лба мне на внешнюю сторону ладони. Когда я захотел силой отдёрнуть свою руку, она заплакала и больно ударила меня в грудь. Какое-то время мы, молча, лежали на разных концах кровати и не разговаривали. Затем она неожиданно легла на меня так, чтобы я мог видеть её лицо. Она сжимала мои запястья своими руками так крепко, что я не мог двигаться. Безумные глаза, искривленный в ухмылке рот и влажный язык, кончиком которого она ласкала свою верхнюю губу. Я хотел спросить о её самочувствии, потому что очень волновался в тот момент о её лихорадочном состоянии. Но она ничего не дала мне сказать. Облокотившись на левую руку и изящно скользнув своей ногой вдоль моего тела, она приняла позу, благодаря которой её

губы почти касались моего уха. Она заговорила неожиданно, очень быстро, я не мог улавливать смысл её слов, но некоторые вещи я всё-таки понял. Мир – это не просто так. Полина – это не то, что исчезнет, как только я открою глаза. Мы – это не только Я и Полина.

***

Следующим утром, когда я довольный шёл на кухню, меня встретил высокий парень. Это, пожалуй, единственное, что я смог на тот момент запомнить. На кухонном столе лежали его вещи – тетрадь, отвёртка, книга Шарля Фурье и листовка с изображением мускулистого пролетария, сжимающего шею толстому мужчине в цилиндре. Вещи были разбросаны неаккуратно. На плите стояла кастрюля с кипящей водой.

– Привет, – сказал я робко.

Он промолчал и стал рыться в холодильнике.

– Я говорю «доброе утро», может так тебе нравится больше?

– Зачем мне с тобой разговаривать? – произнёс он и стал поштучно кидать пельмени в кастрюлю с кипящей водой.

– Мы же как бы в одном помещении, судя по всему ты тут живёшь, а я…

– Что «ты»?

– А я как бы, ну вместе с Полиной…

– Я её брат.

– Ах, ну вот! – обрадовался я. – Диалог пошёл.

– Это ты пошёл.

– В смысле? – улыбка на моём лице стала таять, как иней на разорванной упаковке пельменей.

– В прямом. Ты меня утомляешь.

– Никуда он не пойдёт, – улыбаясь, сказала вошедшая Полина. – Он замечательный, он никуда не пойдёт.

Халат. Босые ноги. Её взгляд обладал той ясной самоуверенностью, которой наделены люди, знающие, зачем родились на свет…

***

Я вспомнил, как она была скоростью, светом, длинной нитью, уносящей меня в сладкий сон грёз. Она целовала меня, разливаясь облаком нежности на моём теле. Её губы скользили вдоль изгибов рук, а язык то и дело щекотал кожу моих конечностей. И если мысль материальна, то это точно не про неё. Помыслить что-то – значит ограничить территорию тайны. И Полина никогда такой не будет. И в этом я был уверен точно.

***

Ноги стали моим фетишем ещё в далёком детстве. Что-то странное было в их устройстве. Тогда десятилетним мальчиком я заворожённым взглядом наблюдал за взрослой черноволосой сестрой моего друга. Она уже училась в институте. Главное, что я запомнил в ней – это её длинные, как бесконечность ноги. Они уводили мой взгляд в неизвестность, таящуюся за тканью женской юбки. Я помню, как грациозно моя прелестница шла по улице. Это была сама уверенность. Худые, стройные ноги её изящно сопротивлялись гравитации. Они воплощали собой торжество эволюции и победу прямохождения. Каждый шаг обнажал бедро. Детские любопытство дорисовывало всё, что могло помыслить. Мой друг неодобрительно качал головой, когда я в очередной раз с восхищением смотрел на его сестру. Время прошло, я забыл

её. Однако с тех пор, женский силуэт в моём воображении всегда начинал создаваться от своего основания – с пары длинных вытянутых линий.

***

Я запомнил, что углы помещения в тот день то и дело норовили соединиться в череду прорывающихся линий S.O.S. Пока Максим слушал историю моей жизни в изложении Полины, я отчего-то боялся, что пунктир материализуется в виде строгого сечения. Не дай Бог это произойдёт. Мы разлетимся вдребезги. А я так хочу, чтобы Максим всё дослушал до самого конца. На моменте, когда Полина стала говорить что-то про мои руки, лицо Максима исказилось. Появилась едва заметная улыбка, глаза заблестели, а пальцы на руках сложились в замок.

– У него восхитительные руки, – произнесла Полина, закусив нижнюю губу, – подушечки на пальцах очень упругие, но совершенно не жёсткие, внутренняя сторона ладоней очень нежная, но, по-моему, совсем не чувствительна к раздражителям. Этой ночью я неоднократно попадала своим мизинцем в середину руки, туда, где обычно у многих людей расположена эрогенная зона или что-то подобное, но он никак не отреагировал.

– Ну, это ещё не показатель, – равнодушно вздохнул Максим. На мгновение он снял свои очки, слегка прищурив глаза, и снова надел их, – руки должны быть уверенными. В этом всё дело, если этого нет, то даже и говорить не о чем.

– Ты просто боишься допустить, что то, что мы нам нужно, находится прямо здесь и сейчас, – кокетливо ответила Полина и молниеносно стрельнула своими карими глазами в мою сторону, – наш ангел просто ещё не всё рассказал нам о себе, ведь так?

– Какие ещё ангелы? – в полушёпоте сказал Максим. – Твои ангелы мне порядком начинают надоедать. Кого ты приведёшь в следующий раз? Правого клаббера?

– Ну, ты же знаешь, мне нравятся странности.

– Погоня за странностями ведёт не к странностям, а к паранойе.

– Паранойя, по-твоему, не странность?

– Нет, вполне обычное явление, – произнёс Максим и, сделав небольшую паузу, продолжил, – Но ведь ты претендуешь на какую-то исключительную странность?

– Ну, уж точно не на такую, как у тебя, – чуть понизив голос, ответила она. Мне показалось, что её интонация стала немного злой, – Всё надеешься на своего Фурье? Зря!

Его никто не читает. И не потому, что он в чём-то странный…

– Он вполне типичный социалист…, – Максим попытался взять инициативу диалога на себя.

– Не перебивай меня! Я уже устала слушать твои истории про проекты идеального общества. Это архивная пыль, ничего более. А ты просто дурак! Сумасшедший, вышедший из ума идиот! Идиот! – последнее слово было произнесено ей с особым наслаждением. Я даже услышал, как она стала чаще моргать. Её пышные ресницы издавали чуть слышный шум, подобно звуку летящего мотылька. Это верный признак, что она серьёзно взволнована, но её волнение – это радость от ощущения собственной правоты. Поэтому я не переживал за неё. Она была очень довольна собой. Такое уже случалось, когда ночью я соглашался с её рассуждениями, содержание которых мне было непонятно, а форма резала воображение.

Полина продолжала стоять на пороге кухни, прислонившись спиной к открытой двери. В её немом восторге выражалась вся её красота, молодость и сила. Она обладала той магической непосредственностью, которую я видел лишь в кинофильмах про прекрасных интриганок XVIII века. Казалось, что своим обаянием она может усыплять разум оппонента, чтобы просчитывать дальнейший ход своих действий. И в тот момент это была её тишина. Не моя, не Максима, не чья-то ещё. Эта тишина имела свой отчётливый источник. Полина как будто прекрасно осознавала это и продолжала самодовольно улыбаться.

– Я оставлю вас, – чуть слышно произнесла она и бесшумно удалилась из помещения. Странно, но в то весеннее утро я впервые стал уверенно поднимать глаза при дневном освещении.

***

Длинные рукава света. Именно рукава. Никогда не понимал, как можно видеть в солнечных лучах идеальные прямые. Геометрию придумали люди, а солнце мне казалось чем-то античеловеческим. Оно слепит глаза, а нагретые им предметы вызывают жар и сухость во рту. Весной оно торжествует, освещая всё, что гниёт, грязь превращает в пыль, а людей в идиотов. Особенно в мае. Летом оно повсюду, даже ночью ощущается его присутствие, дневная жара пускает свои корни в асфальт, и тот, как бы издеваясь, напоминает о следующем жарком дне. Осенью спасают дожди, но лишь эпизодически, пока не грянут зимние морозы. А как только приходят они, то живительная влага дождя превращается в сухой снег. Тот, в свою очередь забивает все углы, создаёт бесчисленное количество мелких зеркал на радость солнечному свету. И вот ты уже покрываешь стёкла отражающей краской с надеждой, что комната останется в полумраке.

Геометрия и солнце не совместимы, даже солнечный диск не имеет форму круга. Это яркое нечто совершенно противоположно человеческой гармонии и порядку. Уберите сетку геометрических фигур с небосвода, и солнце вам уже не покажется тем, что привносит тепло в этот мир. Вы поймёте, что тепло создаётся лишь самим человеком, его радостью и надеждой. Солнце тут совершенно ни при чём. Разряды человеческих чувств наделяют небо цветом, а облака – формой. Это так просто и так здорово. Но в каждый момент нашей жизни вмешивается солнце. Его наличие днём и отсутствие ночью порождает временность. Это болезнь человеческого существования. Наша чувственность оказывается в оковах солнечного мира. Мы умираем от того, что солнце диктует условия жизни. Оно заставляет нас чувствовать время. День сменяет ночь, ночь – день, солнце всё тоже, а мы стареем, покрываясь узорами морщин. Бывает, что просто сгораем, не дождавшись старости. Те, кого настигает подобная участь, наиболее чувствительны к солнечному свету. В отличие от большинства других людей, они поглощают свет в большей степени, чем его отражают. Они принимают на себя бремя страданий. Всю свою жизнь они сомневаются, сомневаются в себе, в других, в том, что они делают, в том, что они упускают. Это симптомы. Но эти симптомы всегда свидетельствуют о повышенной восприимчивости к солнечному свету. С этим ничего нельзя поделать. Человечество так спасается от солнца. Нет другого выбора. Нужны сильные люди.

***

Это было зимой. До ее дома мы шли непринужденно. Ночь. Снег так и валил. Молчание иногда сотрясалось попытками начать разговор. Я медлил и не хотел проявлять какую-либо инициативу. Пусть лучше сама начнет. В конце концов это была ее идея – обращаться друг к другу на ВЫ. Вот пусть и начинает.

– Вы так и будете молчать? – спросила она, пытаясь заигрывать.

– А как Вам угодно?

Ну вот что за идиот. Теперь я целиком принял все правила игры. Поле расчерчено, очки распределены, соотношение сил явно не в мою пользу.

– Я привыкла, что молодые люди обычно что-то говорят, – скрывая улыбку, произнесла она, – А Вы какой-то молчаливый.

– Угу, – буркнул я, прикидывая, сколько еще идти по заснеженной дороге. Высоковольтные столбы молчаливым конвоем сопровождали нас вдоль автомагистрали. В темноте ночного

города они казались великанами. Их металлические перекладины напоминали мне ребра человеческого тела. Ничего лишнего, только функциональность. Всегда завидовал их проклятым сваям, уходящим глубоко под землю, обеспечивая чертовски устойчивое положение. Мне бы такую устойчивость в мыслях, и такие же функциональные ребра по жизни. Нет ничего лучше подобных ребер.

– Так Вы учитесь?

– Да, Лиза, я учусь, я Вам уже это говорил.

– А почему Вы так раздражены?

– А почему Вы все время задаете вопросы?

– Как угодно. В любой момент мы можем повернуть, – поджав губы, сказала она и небрежно поправила капюшон своей куртки.

Дальнейшую часть пути мы шли молча. Дорога уходила все дальше и дальше в черную бездну спального района. Белый снег, как больничная палата, он всюду. Пока природа не скажет «Пора», все так и будет: холод и отрешенность от мейнстрима жизни. Как будто кто-то за пределами нашего мира обожает размеренность, даже в систематическом причинении страданий. Болела потрескавшаяся кожа на руках. Вязаные перчатки не спасали от морозов, а карманы в моем пальто не создавали должной защиты от переохлаждения. Ноги тонули в снежном месиве. Это мы свернули с основной дороги на тропинку, ведущую к тесно стоящим друг к другу «хрущевкам». Издали они казались рабочими бараками – прибежище для тех, кто еще не сдался.

– Вот мы почти и пришли, – тихо произнесла Лиза, указывая своей рукой на ближайшее здание, ничем не отличающееся от соседствующих с ним.

– Милый дом, – неразборчиво сказал я сквозь плотную ткань своего шарфа. Я не видел выражения лица Лизы, но отчего-то почувствовал ее взгляд на себе. Специфическое сочетание недоумения, пренебрежения и сочувствия. Фонарь рядом с подъездом тускло освещал дверь и небольшой выступ стены, перпендикулярный самому зданию – странная ширма, за которой дворники по обыкновению открывали дверь в кладовую.

– Вот здесь я и живу.

– Здорово, – через силу выдавил я.

– Вам, наверное, пора домой… – сказала Лиза, фальшиво, изображая незаинтересованность в том, чтобы я напросился к ней в квартиру.

– Да, я, наверное, пойду. Уже поздно. И Вы, наверное, устали, – быстро произнес я, рассчитывая в тот момент количество времени, которое мне потребуется, чтобы вернуться к назад к метро. – Спасибо Вам за вечер. Это было… чудесно и очень мило.

Лиза, молча, нахмурилась. В своем красном пуховике она напоминала мне замерзшего воробья. Такая жалкая и такая беззащитная. Спустя мгновение снежная масса забурлила, воздух наполнился ароматом зимнего города, а неожиданный и резкий порыв ветра чуть не повалил Лизу на землю, но я успел схватить ее за рукав. Она крепко вцепилась в мое плечо и заплакала. Ее тело сотрясали судороги рыданий. Она обняла меня за талию и что-то агрессивно шептала.

– Лиза, ну не волнуйтесь, – начал я в растерянности, – это бывает. Вы же не упали. Сейчас все падают, а Вы не упали…

– Дурак!!

– Что? – в недоумении спросил я.

Вместо ответа она аккуратно отодвинула ткань шарфа, закрывавшего моё лицо, и страстно меня поцеловала. Нервная дрожь пробежала по моему телу, в панике я стал думать о том, что мои губы обветрены и, наверное, ей было неприятно это ощущать на себе.

– А так понятно?! – громко сказала она сквозь слезы.

– Лиза… – только и успел произнести я.

Дверь подъезда открылась. Вышел какой-то высокий мужчина. Я почувствовал, как цепкие женские пальцы схватили меня за запястье. Лиза, молча, завела меня в подъезд, одной рукой вынимая из кармана своей куртки ключи от входной двери. Вскоре мы уже были в теплом помещении ее дома. Царила темнота. Мои глаза видели только тусклое желтое пятно за окном – едва заметный свет уличного фонаря. «Наверное, этаж 2-й или 3-й», – подумал я.

– Хочешь, я сделаю все еще более понятным? – произнесла Лиза, слегка задыхаясь от волнения. Я услышал звук расстегивающейся молнии. Пальцы, охватывающие мое запястье, ослабили свою силу, так что я смог чувствовать себя немного свободнее.

– Ты и правда такой?

– А Вам нужен другой?

– Нет… как раз такой мне и нужен, – я почувствовал, как какая-то невидимая мне сила стала двигать моими руками. Мне стало неприятно.

– Что же ты?

– Ничего. Просто не нужно так сильно давить на мои руки.

– Я тебе не нравлюсь? – голос Лизы был полон отчаяния. – А так?

Шум движения. Звук расстегивающейся застежки. Мои ладони стали ощущать под собой упругость женской груди. Тепло ее кожи, холод моих рук. Я почувствовал, как Лиза стала

покрываться мурашками.

– Вам холодно?

– Да, и так будет до тех пор, пока мы не ляжем вместе под одеяло, – шепотом произнесла она.

Одежда полетела к чертям. Как будто сама собой. Каждый отрезок времени наполнял мои вены чувством безысходности и счастья. Лиза толкнула меня на кровать, которой я не видел. Мое парения было особенным. Я успел представить себе, что упаду в теплое и нежное море, в радужный водопад человеческих грез, в бурлящий поток бесконечной радости. Туда, где все обязательно закончится. Станет все совершенно иначе. Кто гарантирует, что следующий момент времени не станет поворотным, принципиально новым, революционным?..

Но я упал лишь на холодную простыню. Скомканная ткань пастельного белья неприятно раздражала кожу, но именно она быстро вернула меня к реальности. Темнота, меня окружающая, также стала отступать. Глаза привыкли к обстановке, я увидел небольшую комнатку – один шкаф, журнальный столик, диван, и разбитый подоконник, на поверхности которого отражались едва заметные лучи уличного фонаря.

Хрупкий, почти иллюзорный силуэт стройного тела Лизы медленно спускался ко мне. Она была такой молодой и такой невинной, что у меня непроизвольно сжалась диафрагма.

– Что такое, милый? – произнесла Лиза. – Я чем-то тебе не нравлюсь?

Ее кожа горела. Ей не было холодно. Нужно было лишь избавиться от одежды, впитавшей в себя морозный ветер.

– Ты горячая.

– А ты действительно очень холодный, – сказала она, и я заметил ее детскую улыбку. – Так хотелось бы о тебе рассказать девочкам в школе, но ведь не поверят.

– Почему?

– Потому что, – медленно начала она. – во-первых, это действительно ты, во-вторых, ты и правда странный, кроме того…

– Что-то еще? – ухмыльнулся я.

– Ты, – она положила свою голову мне на грудь, а руки опустила к низу моего живота. – ведешь себя совершенно не так… Это не так должно происходить.

– Происходить что?

– Ну вот опять, – ответила Лиза и громко цокнула языком. – Ты неисправим. Все мужчины, которые у меня были…

– Твои одноклассники?

– Да, мои одноклассники, – на выдохе ответила она. – Они тоже мужчины, представь себе.

– Так что же твои мужчины?

– Они всегда знали, чего хотят. И я знала, что они желают. Какими бы закрытыми внутри они ни были, в постели они всегда вели себя одинаково.

– А, я, значит, нет?

– Ну, я же чувствую, что ты уже готов, – уверенно сказала она, схватив ствол моего члена своей ладошкой. – Но что тебя останавливает?

Я молчал. Ее рука спустилась чуть ниже. Пальцы нежно касались мошонки.

– Мне уже есть необходимое количество лет. Кроме того, у нас все по взаимному согласию, – строго произнесла она. Ее нетерпение росло. – Теперь ты спокоен?

Слово «взаимное» превратилось в моем воображении в теннисный мячик. Он скакал по всей квартире, громя вещи тут и там. «Взаимное», «взаимное», «взаимное» – звучало каждый раз вместо грохота, пока мячик не ударил меня по лбу и не исчез.

– Я очень хочу тебя, – прошептала Лиза и стала неистово целовать мою грудь. Кончиком языка она касалась моего соска, а рукой стала усиленно водить по моему члену.

Я быстро перевернул ее на спину, скользнув своей ладонью по ее ягодице. Лиза развела ноги и испуганно посмотрела на меня. Я резко подался вперед и почувствовал, как головка моего члена касается влажных стенок ее влагалища.

– Нет! Стой! – громко произнесла она. Ее глаза наполнились ужасом. Она так резко отвернула лицо так, что ее длинные волосы скрыли от меня всю палитру ее страдания.

– НЕ надо! не надо! не надо!! – повторяла она. Я отстранился, дав ей перевернуться на правый бок. Она снова плакала. Я чувствовал, как ее боль тянется через всю кровать ко мне. Это были кровоточащие вены. Они выглядели, как ветки диких деревьев. С треском эта боль приближалась все ко мне ближе и ближе. С каждым всхлипом, который издавала Лиза, растение поступательно росло. Алые листья стали щекотать пальцы моих ног. Я испуганно вжался в холодную твердь стены. Ярко-красные ветки стали обвивать мои ноги, живот, приближались к моей груди. Кровоточащие вены обвивали мое тело. Я не знал, что делать. Я был уверен, что руками смогу разорвать их. Но что, же тогда случится с Лизой? Останется ли она жива, останется ли она в здравом рассудке.

– Пожалуйста, обними меня, – услышал я.

Стараясь не повредить окутавшее меня растение, я лег рядом с Лизой. Левой рукой обнял ее и аккуратно стал прижимать к себе, пока не почувствовал, как ее хрупкие лопатки не уткнулись в мое тело. Лиза облегченно вздохнула. Вены стали распутываться. Ее дыхание становилось все более и более спокойным, пока не нормализовалось окончательно. Постепенно мой торс и мои ноги освободились от причудливых веток. Тогда я тоже смог сделать глубокий выдох и насладиться окутавшим нас спокойствием.

– Ты прости меня, – начала она.

– Все в порядке…

– Нет, не в порядке, – как обиженный ребенок, сказала она и повернулась ко мне лицом.

– Правда, все хорошо.

– Ты знаешь, это ведь не просто так. Дело в том, что…

– Что?

– Я… – она сделала большую паузу, наполнила свои легкие воздухом и на выдохе произнесла, – могла стать мамой.

– Ты боялась, что…

– Нет, просто две недели назад мне пришлось кое-что сделать, чтобы у меня не родился малыш.

Слово «аборт» из нас никто не решался произнести. В этом было что-то уничижительное, официозное и совершенно не согласовавшееся со спектром человеческих переживаний.

Наверное, некоторые это произносят как раз для того, чтобы не погружаться в омут рефлексии.

– Я тогда не знала, что делать. Мы с сестрой живем одни. Положиться было не на кого.

– А он?

– А он просто сделал вид, что меня не знает. С этого момента все изменилось.

– И ты…

– Да, я решилась. На какое-то время я представила, что это все происходит не со мной. От этого было все-таки легче… После всего в тот день мы с сестрой вернулись сюда. Ей нужно было идти на работу, а я осталась дома одна, – ее голос дрожал, – я была на грани. Эти стены… Не смотри на них. Днем они выглядят еще хуже. Никогда не смотри на них.

– Ты решила, что я тот, кто поможет тебе забыться?

– Не знаю, наверное, – она грустно улыбнулась. – Первые дни в школе были сущим адом.

Я молча наблюдал за ее лицом. Черные следы от потекшей косметики застыли холодным узором.

– А потом ты появился… ты.

– Не помню…

– Конечно не помнишь! – чуть смеясь, произнесла она. – Ты там стоял и что-то рассказывал на сцене в актовом зале. А я, как увидела тебя, так и замерла.

– Тебе было неинтересно слушать про арт-программирование? – попытался пошутить я.

– Дурак!

Неожиданно зазвучал сигнал моего коммуникатора.

– Мне нужно…

– Да, иди, конечно, но возвращайся, мне сейчас действительно холодно. Возвращайся быстрее.

Я вылез из-под одеяла и босыми ногами прошел в прихожую, где на полу валялось мое пальто. Коммуникатор требовал к себе внимания. Его противный звук – его достоинство. Перепрограммировать нельзя, но оно и к лучшему. Такой звук невозможно проигнорировать. Нащупав в источник сигнала, я молниеносно вытащил его наружу. Прихожую залил свет от дисплея. Обычное сообщение-напоминание о том, что надо ехать домой. Я погрустнел. Мне не хотелось думать о том, что ждет меня дома, но и не думать об это я тоже не мог. Вздохнув, я обернулся, чтобы возвратиться назад в объятия Лизы. Я медленно переступал брошенную на полу одежду. Как только я появился в комнате, загорелся яркий свет. Он сильно слепил глаза. Я машинально закрыл обеими руками свое лицо.

– Прости, не смогла удержаться, – хихикнула Лиза.

– Зачем это все?

– В темноте плохо видно, но теперь все видно очень хорошо.

Осознание того, что я стою посреди комнаты обнаженный, на мгновение заставило меня разозлиться, а потом впасть в привычную меланхолию.

– Ты точно учишься в институте?

– Что, появились сомнения?

– Тебе как будто двенадцать, не больше.

– А тебе, как будто и того меньше, – недовольно произнес я.

– Ты очень худой.

– Спасибо, прекрасно знаю об этом. Это все? или допрос будет продолжаться дальше?

– Ладно-ладно, – ответила Лиза и выключила свет.

Перед глазами появились размытые сине-зеленые пятна. С каждым шагом к кровати они структурировались и становились все больше похожими на какие-то отчетливые предметы –

то ли заостренные лезвия бритвы, то ли радужные конусы, понять было сложно. Вдруг мне захотелось взглянуть на стены в этой квартире при полном освещении. Если уж любопытство Лизы побороло ее отвращение к собственному дому, то наверняка дела обстоят не так уж и плохо.

Я лег в кровать и накинул на себя ватное одеяло. Лиза приподнялась, опираясь на локоть, и стала внимательно смотреть мне в глаза. Ее движения были очень плавными. В темноте я не заметил, как кончики ее пальцев стали касаться моей щеки.

– Какое умное лицо, – тихо прошептала она, продолжая ласкать мою кожу.

– Что?

– У тебя очень умное лицо, – ответила Лиза, – и глаза…

– Не понимаю, – смутившись, произнес я.

– Не стесняйся себя. Ты очарователен. Ты всегда будешь очарователен.

Возникла тишина. Лиза не двигалась с места и продолжала гладить меня.

– Тебе нужно поспать.

– Я… Мне нужно домой.

– Тебе нужно поспать, ты очень устал.

– Нет, я не устал, – произнес я и почувствовал, как сладкий мир грез начинает окутывать мое сознание. – Это просто… Так бывает. Я обычно всегда такой, ты не обращай внимания. Это просто…

Веки стали закрываться сами собой. Воображение открылось потоку причудливых образов, картинки стали замещать реально существующие предметы. «Какое умное лицо. Какое умное лицо. Какое умное лицо,» – повторялось в моей голове. И я уснул.

***

Помню только, что снились цифры. Угловатая единица преследовала меня до тех пор, пока я не встретил мягкую на ощупь окружность. Это был ноль. Он приятно вибрировал и издавал смешной звук, похожий на жужжание электрической бритвы. Цифры были больше меня в два или три раза. Я встал обеими ногами на ватную поверхность нуля и приготовился к встрече с единицей. Она не спешила меня атаковать. Ее полет замедлился, как только она увидела, что я не один. Ноль перегруппировался, встав ребром к единице. Достаточно широкая поверхность его стороны, одной единственной его стороны, дуги, замкнутой на себя, создавала серьезную преграду перед противником. Единица агрессивно обратила на меня свой заостренный угол. Я испугался и еще сильнее вцепился руками в ватную поверхность нуля. Он как будто бы чувствовал мое беспокойство и стал планомерное раскачиваться из стороны в сторону. Я ощущал себя, как в детстве, когда сидишь на качелях и медленно двигаешь ногами, то резко выпрямляя их, то поджимая их под поверхностью сиденья. Приятное головокружение стало действовать успокаивающе. Ноль приятно завибрировал и стал крутиться вокруг своей оси, как раскрученная монета. Единица то и дело пропадала из вида, цвет ее стал агрессивным. Покрасневшая от злобы, она сделала попытку атаковать меня, но лопасти нуля сильно откинули ее назад. Она звонко упала и разбилась на бесчисленное количество осколков.

Моя тревога стала утихать по мере того, как замедлял свою скорость ноль. Мой цифровой защитник был доволен собой, что выражалось в его приятной для меня вибрации. Теперь только он и я, ноль и я. Я грустно улыбнулся и обнял его, как мог. Больше в тот момент мне не нужен был никто.

***

Я проснулся ранним темным утром. Оранжевый тусклый свет фонаря все также напоминал мне о внешнем мире. За окном царила тишина. Снег все также лежал на дороге, но ветра уже не было. Волшебное спокойствие, имеющее свой источник в моей убежденности, что все, кроме меня, спят, придавало сил для того, чтобы одеться. Подбирая одежду с пола, я босыми ногами чувствовал, как холод улицы звал меня к себе. Его немой голос кричал мне в ступни ног, заставляя дрожать кости всего тела. Я долго размышлял над тем, поцеловать ли мне Лизу до своего ухода, попрощаться ли с ней, но мысль о том, что она не даст мне уйти, развеяла все мои сомнения. Открыв опции коммуникатора, я загрузил карту города и сверился с часами. Через 10 минут на ближайшую от дома остановку приедет автобус, который довезет меня до станции метро. К сожалению, поедет он не самым кратчайшим образом – через цепочки блокпостов, мимо автономной зоны повстанцев. Я поспешно открыл дверь, которая так и не была с прошлой ночи закрыта, и молниеносно прошел путь по ступенькам вниз. Два интервала лестничных проемов. Два этажа – и я уже стою на улице, вдыхая морозный воздух.

Музыку включать не хотелось. Все равно старые наушники запутались в причудливый узел таким образом, что распутать провода было уже не так-то просто. На ходу застегивая пуговицы своего черного пальто, я двинулся к автобусной остановке. Разбитый рекламный щит, как несбывшаяся мечта, хорошо, что он не раздражает глаза. Из металлической урны вяло тянуло непогасшей сигаретой. Холодный воздух стал наполняться запахом помоев. Сверив еще раз часы на коммуникаторе, я мысленно загадал желание, отвернувшись и от урны, и от рекламного щита. Как по волшебству, вдалеке появился длинный прямоугольник. Он приближался и увеличивался в размерах. Это был старый Икарус, водитель которого из последних сил пытался выжать из него хоть какую-то скорость. Салон гремел от агонии умирающего двигателя. Поручни вибрировали больше всех, так что держаться за них мне совершенно не хотелось. Довольно того, что все мои кости издают подобные вибрации.

Я сел возле окна, достал перчатку и попытался протереть грязное стекло. Ничего не помогло. Видно было все также плохо. Это напоминало мне не до конца собранный паззл. Вот колючая проволока, вот тут она прерывается, грязное пятно, далее кусок асфальта, свет прожектора, пьяный мужчина, который громко матерится, снова пятно, потом нечто похожее на женщину средних лет в синем пуховике, вновь отсутствующий фрагмент и снова свет прожектора. Когда мы подъехали очень близко к стене, отделяющей город от территории повстанцев, автобус сбавил свою и так невысокую скорость.

Водитель вышел, чтобы показать документы человеку в военной форме. Полминуты они о чем-то говорили, военный махнул рукой в сторону стены и неодобрительно покачал головой. Водитель пожал ему руку и вернулся на свое рабочее место. Остаток пути не представлял для меня особого интереса. Я уставился в план автобусных маршрутов на коммуникаторе и на какое-то время отвлекся от поездки.

***

Огромный рот метрополитена проглотил меня вместе с десятком пассажиров. Миновав турникет, своеобразный ус, как у кита, я шагнул на ступеньку эскалатора. Металлический язык втягивал меня в чрево размеренно и с явным безразличием. Расслабив мышцы, я уставился на чудной узор куртки впереди стоящего мужчины. Кажется, это был кальмар. Надпись на английском гласила «Go away».

***

Мне повезло. Ехать нужно было по прямой. Сладкая усталость дрожью пробежала по моим рукам и ногам. Из последних сил я сел в вагон и стал распутывать провода наушников.

Напротив меня сидел молодой парень в тёмных очках. На нём была чёрная куртка, джинсы и кеды на высокой подошве. Увидев, что я достаю плеер, он явно оживился и немного подал голову вперёд. Я на мгновение посмотрел в тёмные стёкла его очков и понял: парня заинтересовало, что же я такое буду слушать. Видимо, напряжение в моих действиях он толковал как страсть сумасшедшего меломана. Боясь расстроить его, я отсел в другой конец вагона. Пусть не нервничает, ничего особо интересного он не услышит. Кроме того, часть наземного пути, которую преодолевает поезд, не столь велика, чтобы успеть услышать хотя бы часть музыкального репертуара. Когда я наконец победил злосчастный узел и вставил «капельки» в уши, то отчего-то почувствовал себя очень глупо. В самом деле, зачем надо было отсаживаться в другой конец вагона? Здесь и дуть будет сильнее, и запах хуже, а сидение сплошь из пластика, жёсткое и неудобное. Кнопка «Play» и размеренный ритм «синтипопа» стал разбавлять моё беспокойство. Руки перестали дрожать, а про парня я и забыл вовсе. В окне вагона были ясно видны провода и прочие элементы системы сообщений метрополитена. Они были похожи на змей. Когда чуть слышный скрежет колёс доносился до меня сквозь звучание песен в наушниках, я невольно вздрагивал и ещё более внимательно всматривался в окно вагона. Но каждый раз с облегчением вздыхал, понимая, что провода – это провода, змеями они никогда не станут.

Неожиданно чёрный фон за окном исчез, как призрак. Поезд мчался по мосту над рекой. Оранжевое пятно на горизонте, белое, как облако, небо, замёрзшая гладь вдоль водоканала и смутные очертания фабричных зданий. Рассеянный свет сквозь утреннюю дымку умолял меня улыбаться как можно шире. Я ему почти поверил. Чувство обречённости как будто пронзало листы металлических стен и перегородки вагона. Утренний свет и цвет болезни. Оттенки лихорадочного бреда. Это оранжевая жидкость. По самое горло. Как будто прижали. От этого даже легко. Хочется ехать как можно дольше. Как можно дальше. Как можно быстрее. Проезжая мост, я отчего-то мысленно представлял, как гаснут фонари рядом с домом Лизы. Первый, второй, третий, все. Наступает день. Всё видно, и никто не может быть собой. Только тем, кем надо быть. И это печально. Мысль о золотой середине я также мысленно смял в кулак, кинул себе под ноги и растоптал. Никакой золотой середины. Никаких соглашательств. Не хочу видеть Лизу при дневном свете. Пусть она запомнится мне в лучах электрического света. Пусть её лицо будет озарять окружающую темноту в маленькой комнате с неудобной кроватью. Это и есть правда. Её правда. Вспомнился тусклый свет оранжевого фонаря за окном. Он был лучше солнца. Он был теплее. На ровной глади речного льда можно было разглядеть длинную зигзагообразную линию. Подобный разлом, казалось, проходил и по моему пищеводу. Было неприятно и даже больно. Хотелось выпить какую-нибудь вяжущую гадость, хотя бы и барий. Когда я лежал в больнице, для рентгена обязательно нужно было пить барий. Я запомнил, как он приятно связывает пустоты пищеводы в органическое целое. И тогда боль проходит. Я понял, что стало очень грустно. На глазах почему-то стали наворачиваться слёзы. Влажный неконтролируемый хаос. Первая капля, вторая, третья, много. И только спустя мгновение я понял, что не из-за мысли о спасительном барии. Всё само собой. Как всегда. Поток мыслей сменил свой оттенок, как и то, что я видел за окном. Снова чёрный цвет. Много чёрного. Всё черное.

***

Так как ты им задолжал?

– Как все. Просто жил и…

– и… задолжал, – слегка улыбаясь, произнес Максим. Это длилось всего какую-то долю секунды, но я заметил, что его улыбка была по-младенчески искренней и открытой.

– Просто так получилось… Сам не знаю. Вроде бы все шло как надо, а потом, – я внезапно для себя резко посмотрел на Максима, но его лицо по-прежнему излучало лишь хладнокровную заинтересованность. Ребяческое любопытство исчезло, как будто его никогда и не было.

– Что потом?

– Потом я… – что-то мешало мне произнести следующую часть фразы. – Я… я просто…

– Не торопись и успокойся.

– Я понял… Нет, вернее, я не понял, а почувствовал, что что-то не так, – мой голос задрожал. – Я хотел быть, как те, которые, могут, просто…

– Хотел быть, как те, которые могут?

– Да, наверное, это подходящее выражение, – я тяжело вздохнул, расслабил плечи и тут же сжал свои кулаки. – Но это все совсем не то, что ты думаешь. Ты, наверное, считаешь, что я просто прогнулся, да?

– Я сейчас вовсе ничего не считаю, – Максим облокотился на стол и аккуратно схватил свой подбородок большим и указательным пальцами. – Из всего, что ты сейчас мне пытаешься рассказать, я уяснил очень немногое. Пока я только вижу, что ты очень напряжен. Для начала тебе стоит уметь контролировать свои руки.

Я покорно разжал кулаки. Кровь приятно стала щекотать вены.

– Твои руки… – Максим явно пытался сказать что-то важное, но тотчас, же передумал. – Это потом, все потом, – слова были адресованы явно не мне.

***

А в тот день все действительно было иначе. Солнце стало поглощать все помещение кухни. Капли воды на плите переливались ярким светом, они шипели на раскаленной поверхности соседней конфорки и исчезали так быстро, так шумно, как будто чей-то мир схлопнулся в один миг. Но мне не было грустно. Я смотрел на Максима, который молча наблюдал за тем, как готовятся пельмени. Он был высоким, но очень худым. Длинное вытянутое лицо, узкие скулы, большие глаза, немного впалые щеки. «Ест он, скорее всего, один раз в день», – подумал я.

– Ты очень худой, – сказал я, улыбаясь.

– На себя посмотри, – не отвлекая своего взгляда от кастрюли, произнес он.

Мне казалось, что вся его фигура – это сложная сочетание каких-то металлических трубок. Нет, внешне он был вполне нормальным человеком. Но только когда не двигался. Движения были очень странными. Поворот головы влево, медленное, но уверенное вслед за головой движения корпуса, ноги, не отрываясь от поверхности пола, поворачивались за остальными частями конструкции. Это было поразительно.

– Ты как-то странно двигаешься, – с восхищенным любопытством сказал я.

– Нормально, – легким кивком ответил Максим. – Нормально я двигаюсь. А тебе надо поесть.

Румянец стал заливать мои щеки. «Когда тебя кто-то кормил в последний раз?» – риторический вопрос возник в моей голове, как грохот молнии. Я чуть улыбнулся от нелепости происходящего. Как будто речь шла о чем-то очень важном. Как будто это что-то значит. Как будто мир перевернулся.

– Не знаю, что и сказать, но есть это можно, – столовой ложкой Максим пытался накладывать мне на тарелку пельмени. – Знаешь, это вполне доступно, сытно и…

– А я люблю пельмени, – с улыбкой ответил я.

– Ну… – Максим немного смутился, но тотчас, же сделал вид, как будто выполняет свой гражданский долг. – Ешь.

***

– Кажется, он просто не понимает, что происходит.

– Разумеется! А ты думал, что он может быть другим?

– Каким другим?! – ответил раздражённым голосом Максим.

– Успокойся, невротик, – смеясь, произнесла Полина. – Он очень устал, не видишь? Он даже нас с тобой не замечает.

Я действительно почти не замечал их. Я ел пельмени. Всё моё естество было сопряжено с чувством голода. Пельмени мне казались какими-то необыкновенно вкусными. Особенно мне нравился процесс раскусывания лакомства. Зуб разрывает мягкую оболочку блюда, проникает в начинку, и вот уже целая палитра вкуса растекается по нёбу и поверхности языка в радужных красках радости. Слюна стекает по пищеводу, подобно воде с горного склона. Я был весь одурманен запахом чеснока и пряностей. Звериное чувство противно тонкостям гастрономических изысков. Впрочем, о каких изысках идёт речь?! Это же просто пельмени! Эта мысль меня немного отрезвила, и я смог следить за диалогом Полины и Макса.

– Меня смущает не то, что он толком не сказал, чем занимался в институте, а то, что в этой истории фигурирует какой-то человек, о котором он внятно ничего не смог рассказать. Это был набор каких-то…

– Междометий, – продолжил Максим.

– Всё ты знаешь! Конечно!

– Успокойся. Пока мы имеем дело с загадочным набором разрозненных историй. То, что ты рассказала – ценно.

– Юморист, – скептично произнесла Полина.

– Правда, ценно.

– Что ценного?! Да, он учился в институте, долго учился, два раза восстанавливался, а потом бросил. Чем там занимался – неясно, это ещё ладно… Потом влез в долги – это тоже понятно. С этим мы можем разобраться. А почему я подобрала с улицы его в таком состоянии? Вот что интересно. Когда мы шли к дому, он нёс какую-то нечленораздельную муть про какого-то человека, видимо, своего друга. Я понимаю, я всяких людей видела. Некоторые любят про девушку, другие про родственников, а чтобы про… друга. Странно.

– Что странного?

– То, что он бредил про своего друга, не будучи пьяным или под дурью.

– Я думаю, что, учитывая катастрофические отсутствие жилищных помещений…

– Опять ты за своё… Занудил. Ла-ла-ла

– Другими словами, люди, живущие на улице, и не такое говорят.

– Этот жил не на улице. Точно не на улице.

– А где?

– Не знаю, но точно не там, – Полина вздохнула, – у него нет струпьев на коже. Сейчас они у всех, кто живёт на улице.

– Наблюдательная.

– Да, я считаю, что вполне себе занимаюсь делом, в отличие от тебя. Но сейчас не об этом. Меня волнует этот его друг.

– Друг?

– Скорее всего, – ещё раз вздохнув, произнесла Полина. – Может, и не просто друг.

– Или даже совсем не друг, а враг, – ответил Максим.

– Нет, точно не враг. Слишком уж восторженным у него был голос.

– Знаешь, Наполеон тоже восторженно говорил о своих противниках…

– Он похож на Наполеона? Да ты посмотри на него! Голодный, замёрзший…

– Ладно, хватит об этом. Пока ясно одно, скорее всего, он может нам пригодится.

– Руки. Помни о руках!
– Это только гипотеза.
– Какая ещё гипотеза!! Я целую ночь провела с ним, это выше всякой гипотезы!

***

Я закончил приём пищи и резко развернулся в сторону своих новых знакомых. Их глаза немного округлились, когда я им улыбнулся. Они молчали. Меня слегка развеселила их реакция. Будто бы напугал их чем-то. Странное дело, пугаться меня? Меня, как было уже правильно подмечено, подобранного с улицы. Как бомжа иди дворнягу. В то мгновение я поймал взглядом то, как яркий свет солнца ложился на мои ладони. Я смотрел на свои руки. Они были такими яркими, я никогда не видел своих рук в таком ярком освещении. Узор жизни, линия судьбы – всё это было неважно. Главное, что я радовался свету. Радовался, как никогда раньше. Всё вокруг было прекрасно. Мои спутники были прекраснее всего. Я смотрел на Полину. Она была другой. В тот день она была совсем-совсем другой. Это было, как перерождение. Длинные до плеч чёрные волосы, карие глаза, удивительное лицо, выдающее в ней пыл авантюристки. Под синим халатом, который был на ней, проступал стройный силуэт её фигуры. Она была настолько прекрасна, что желание сделать ей комплимент вступило в конфликт с неизбежным принятием того, что я просто не смогу передать в словах хотя бы часть её красоты. Смуглая кожа на её стройных ногах, изгибы упругого тела, – это было выше моих фантазий. Когда она стала поправлять халат, я заметил, что внизу живота у неё была небольшая татуировка, фраза на французском «Propriete, – c'est le vol»[1]. Она смущённо улыбалась. На мгновение она прищурила глаза, будто бы заподозрила, что я замыслил что-то неладное. Затем сложила руки на груди, глубоко вздохнула и сделала шаг в мою сторону. В её глазах отражались мои руки. С непонятным мне восхищением она разомкнула губы и провела кончиком языка по верхней губе. Я в растерянности положил руки на колени и опустил глаза. Полина нервно дышала. Она молча взяла мою руку и прижала к своей щеке. Мне хотелось, чтобы она тоже радовалась солнцу

– Солнце, – произнёс я.
– Да, – ответила она. – Солнце в твоих руках солнце. Наше солнце.

Я поднял глаза и увидел, как Полина смущённо улыбается мне. Не отрывая глаз от меня, она сделала какой-то странный жест рукой в сторону Максима. В то мгновение он стоял, прислонившись к дверце холодильника. Полина повторила свой таинственный жест, и Максим также приблизился ко мне. Он сел рядом со мной на корточки и стал внимательно рассматривать запястья моих рук. В его движениях отсутствовала та грация, которой была наделена Полина. Движения головы были очень резкими. Так делают птицы. Весной, я помню, меня всегда удивляло, насколько движения птиц похожи на гармонию механизма. Глаза Максима пытались на чем-то сконцентрироваться. Он явно был чем-то озадачен. Его светлое лицо, длинные пряди русых волос, длинный нос и тонкие губы – все как будто застыло в каком-то напряжении. Лоб нахмурился, рот слегка приоткрыт. Яркое солнце по-прежнему освещало кухню. Все было каким-то однотонным, но очень-очень ярким.

– Вытяни вперед руки, – сказал Максим. Я, улыбаясь, выполнил его просьбу.

Полина наполнила свои легкие воздухом и задержала дыхание, будто бы ожидала чего-то грандиозного. Максим почти вплотную приблизил свое лицо к моим ладоням. Что-то должно произойти. Я немного смутился. Столько внимания я явно не заслуживал. Отчего-то я представлял, как мои щеки заливает румянец. Но потом вспомнил, что несколько дней я практиче-

[1] Собственность – это кража.

ски ничего не ел. Вряд ли кожа будет способна проявлять что-то, кроме оттенков моей бледности.

– Странно, – шепотом произнес Максим.

– Я же тебе говорила, – сжав зубы, ответила Полина.

– Расскажи что-нибудь, но руки не опускай.

– Что? Что именно? – в недоумении ответил я.

– Все, что угодно.

Я стал нервничать. Я почти кожей ощущал на себе давление Максима. Его голос требовал от меня то, к чему я в данный момент я был совершенно не готов. Спокойствие в его интонации лишь усугубляла мою тревогу.

– У вас.. – сделав паузу, начал я. – замечательная кухня. Мне нравятся светло-желтые обои на стенах. Кажется, это песочный цвет. Вроде так его называют. Холодильник у вас большой. Люблю белый цвет. Радует, что белая поверхность холодильника не покрыта царапинами. Мне не нравятся царапины. Плита, четыре конфорки и духовка – самый классический выбор. Это и удобно, и в чем-то, может быть, даже стильно. База для радиотелефона у вас стоит почему-то прямо на полу. Не могу понять зачем. Мне отчего-то кажется, что телефонная линия в этом доме вообще отсутствует. Узор на линолеуме какой-то странный. То ли солнечные лучи, то ли лепестки какого-то цветка. Но в любом случае это тоже очень мило. Кухонный стол замечательный. Люблю древесный оттенок. В этом есть что-то от классического декора. Знаете, некоторые любят в домах все делать по дереву, вот я считаю, что это неправильно. Цвет дерева должен лишь фрагментами выступать на общем фоне домашнего уюта, не более того.

– Хватит, – тяжело произнес Максим. Я остановился.

– Ну что, тебе этого мало? – спросила Полина. – тебе этого мало? Смотри, они как будто неподвижны. Они просто застыли в воздухе, черт подери!

– Ну ведь его голос дрожал…

– И что? Мы разве про голос говорили? Мы говорили про руки. Видишь, они не двигаются. А если заставить их принять другое положение, то они без труда это все выполнят.

– Да? – скептически ответил Максим. – так, сожми руки в кулаки, а потом снова разожми их.

Не вдаваясь в детали, я проделал упражнение.

– Хорошо, – продолжил Максим. – а теперь задержи дыхание и подними руки над головой.

Я покорно сделал и это.

– Не понимаю, – нервно произнес Максим.

– Просто смирись с этим. Наше предположение подтверждается, – сказала Полина.

В воздухе ощущалось ликование. Максим присел на ближайшую табуретку и крепко сжал мою левую руку. Его пальцы слегка вибрировали от непонятного мне волнения. Полина встала на колени передо мной, тяжело выдохнула и также крепко схватила мою правую руку. Ее нежные ладони приятно касались моей кожи. Глядя на Максиму и Полину, мне стало от чего-то ещё более радостно. Я чувствовал, что вернулся домой. В дом, который я вижу впервые.

– Доброго пожаловать, – произнес Максим, слегка улыбаясь. – теперь ты дома.

***

Прихожая.

– Так, значит, ты задолжал Александру?

Я молча завязывал выданную мне обувь – высокие до колен ботинки. Наконец-то решив проблему с узлом, я встал и немного потопал, чтобы проверить устойчивость. Обувь была на удивление лёгкой и удобной.

– Да, Александру, – непринуждённо ответил я.

– Не самый лучший выбор, – пробормотал Максим. Он что-то аккуратно укладывал в свой походный рюкзак. – значит, так, мы сейчас идём туда и решаем твою проблему.

– Может не стоит, – замялся я. – вас в эту историю ещё вовлекать.

– Теперь это уже и наша история, – резко ответил Максим. В его голосе сочетались решительность и предвкушение скорой драки.

– Мальчики, простите, что так долго, – произнесла Полина. Из дальней комнаты она несла нам какой-то свёрток. Развернув его, она протянула мне короткий, серого цвета плащ. – вот, держи!

– Это мне?

– Да, тебе. Наш ангел должен быть укомплектован по всем правилам уличной моды, – ответила она, смеясь. Я немного смутился.

– Какой, к чёрту, плащ? – раздражённым тоном произнёс Максим. Ему нужна удобная короткая куртка.

– Ну ты ведь не собираешься его вовлекать в драку?

– Это как повезёт, – хладнокровно ответил Максим.

Я надел плащ поверх синего полувера и ещё раз бросил взгляд на свои новые джинсы.

– Сделай два подворота, – сказала Полина, указывая на то, что я заправил верхнюю часть ботинок внутрь штанин.

– У него и так худые ноги. Теперь он будет выглядеть, как кузнечик, – сказал Максим.

– Зато не выбивается из местной моды. Это главное, – ответила она.

Я молча выполнил её просьбу. Взглянув в зеркало, я удивился, насколько преобразился мой облик. Ноги стали очень длинными. Пожалуй, это главное, что бросалось в глаза.

– Только не застёгивай плащ, – добавила Полина. – тогда будет всё круто.

– Всё, пора. Туда-обратно. Без лишних остановок, – продекламировал Максим.

Полина мягко поцеловала меня в щёку и поправила мой воротник.

– Не волнуйся. Всё будет хорошо, – пристально вглядываясь в мои глаза, произнесла она. – Ты мне веришь?

– Да, верю.

– Ну, вот и хорошо. Когда ты придёшь, я испеку торт.

***

Тяжёлая дверь захлопнулась за нами, издав громкий шум. Электронный замок заскрипел в режиме «спикера». Очень неприятный звук.

– Не обращай внимания, замок я делал сам, – успокаивающе ответил Максим. – Он всегда так.

– Всё в порядке, – ответил я.

Мы прошли мимо дверей неработающего лифта и очутились на лестничной клетке. Ступеньки уходили вниз, приглашая нас на прогулку с неба на землю. Тёмная даль нижних этажей очаровывала своей неизвестностью. Шаги-шаги-шаги. Монотонные повороты налево, стали утомлять. Мне очень хотелось задать Максиму накопившиеся вопросы.

– Так как ты, скорее всего, понятия не имеешь, где мы, я тебе объясню, – будто читая мои мысли, произнёс Максим. – Главное, не прерывай шаг, а то мы будем идти бесконечно.

– Хорошо.

– Так вот, – сказал он, перепрыгивая через две ступеньки. – Этот дом заброшен, как ты видишь. В нём живём только мы. В нашем захолустье несколько кварталов таких подобных домов. В каждом из них живёт от двух до двадцати человек, в зависимости от расположения, цены за «крышу» и качества удобств, – на последнем слове Максим слегка рассмеялся.

– Что ещё за «крыша»?

– Светлое социалистическое будущее ещё не настало. Сейчас надо за всё платить. Даже за отсутствие жилья многим тоже приходиться платить, чего уж говорить, когда человек имеет в своём распоряжении целый этаж для жизни. Пускай всё это оставляет желать лучшего, но всё же. Нас «крышует» банда Чешира.

– Чешира? – улыбаясь, произнёс я.

– Да, весьма авторитетный тип в подобных делах. Территория захолустья поделена между бандами. Каждая контролирует свой участок, – слегка задыхаясь произнёс Максим. – С Чеширом нам повезло. Кроме защиты, он предоставляет воду и электричество. Другие банды таким не занимаются.

– Что за захолустье? – тяжело дыша, спросил я.

– То, где мы живём. Наследие гражданской войны. Несколько разрушенных кварталов, отгороженных стеной от большого города.

– Понятно.

Мы спустились на самый нижний этаж. Переводя дыхание в нужный нам ритм, мы бегло посмотрели друг на друга.

– Хорошо выглядишь, – сказал Максим, подавляя свою детскую улыбку. – Полина была права. Главное – не выделяться.

– Спасибо.

– За что?

– Не знаю, – пожав плечами, ответил я. – Просто спасибо.

– Это всё потом, – хлопнув в ладоши, сказал Максим. – Идём дальше.

Дверь подъезда пришлось открывать вдвоём. Заржавевшие петли сопротивлялись нашему желанию выйти наружу.

– Скажу Чеширу, чтобы разобрался.

– Да ладно, я тоже могу помочь, – сквозь силу ответил я.

– Лучше побереги силы.

Когда дверь все-таки дала слабину, мы выбрались на свежий воздух.

Апрельское небо освещало верхние этажи домов. Свет косыми лучами озарял тающий на дороге снег. Разбитый тротуар покрывали сотни ручейков талой воды. Ржавые перекладины детской «паутинки» приветливо были изогнуты вверх.

– Чудом сохранилась, – поймав мой взгляд, ответил Максим.

– А это ещё что? – спросил я, указывая на противоположный дом с огромным круглым отверстием посередине.

– Испытание вооружения. Года два назад это было. Новые технологии. Снаряд режет целые дома, как масло.

– А почему отверстие круглое? – задумчиво спросил я. – Они что, лазером аккуратно его проделали?

– Нет, просто снаряд теперь летит с какой-то сумасшедшей скоростью, а форма снаряда задаёт форму отверстия.

– Что за… – начал я.

– Понты, да, – заключил Максим. – Только понты. Ничего другого.

Мы шли вдоль тесно примыкавших друг к другу шестнадцатиэтажных домов, обходя металлические скелеты автомобилей. Было много луж. Я мысленно поблагодарил Полину за совет. Пожалуй, только в таких ботинках здесь и можно ходить. Грязная жижа, покрывавшая корку асфальта, разлеталась от наших шагов в радиусе метра. От этого, кажется, получал наслаждение не только я, но и Максим. Двери других подъездов либо отсутствовали, либо были заколочены металлическими листами. «Наверное, некоторые предпочитают ходить домой через окно», – подумалось мне. Одинокие строения бывших трансформаторных стан-

ций были исчерчены дикими узорами граффити. Невообразимые тэги и чьи-то имена. Почти наскальная живопись. Она притягивала мой взгляд. Максим шёл впереди, поэтому я мог расслабиться и не думать о том, в каком-то направлении идти. После того, как мы обогнули череду домов, мы свернули на ближайшем углу и подставили свои лица нежно-желтому, как мёд, солнечному свету.

– Вот там, – указал рукой Максим на едва заметное здание бывшего детского сада, которое скрывалось в тени разросшихся деревьев и кустов.

Когда мы приблизились вплотную к диким кустам шиповника, я обратил внимание на неестественно голубой цвет его веток. Максим поджал губы и кивнул мне, дав понять, что это тоже, своего рода, наследие военных испытаний. Пробравшись сквозь запутавшуюся в ветках кустарника колючую проволоку, мы попали на небольшую поляну. Горел костёр. Возле костра сидели люди в одинаковых куртках-кенгурятниках с надетыми на голову капюшонами. У всех были подвёрнуты штаны, как и у меня. Только сейчас мне стало ясно, что Максим придерживается более строгих правил моды. На нём были штаны цвета хаки, как и у остальных присутствующих, а также чёрный кенгурятник, который только завершал картину единообразия. От этого мне стало немного неловко. Я почувствовал себя лишним, но уходить не хотелось.

– Мы к Чеширу! – чётко произнёс Максим.

Один из парней встал на ноги, отряхнул свои штаны и, сделав жест рукой, попросил нас подождать.

***

Вскоре в дверном проеме появилась крадущаяся человеческая фигура. Это был молодой человек в таком же, как и остальные члены банды, черном кенгурятнике. Он вышел на крыльцо, слегка потянулся, зевнул и медленным шагом направился в нашу сторону. Шаги его были беззвучны. Движения ног и рук как будто плавно огибали чуть заметные воздушные потоки. Легкий ветерок пронесся по вытоптанной траве, обдав наши тела теплым воздухом весеннего костра.

– Чудный день, не правда ли? – озаряя нас кошачьей улыбкой, произнёс парень. На вид ему было не больше двадцати пяти. – Знаете, это все порядком надоедает. Отсутствие уюта.

Я уже который год не могу свыкнуться с этим. Хотя, пожалуй, сегодняшний вечер – исключение. Я просто удивительно крепко спал. Обычно сплю беспокойно, а тут такие прекрасные сновидения. Хочется, чтобы кто-то обнял и шептал на ухо ласковые слова, – он слегка потянул себя за волосы, комично изображая страстное желание.

– Чешир, мы к тебе по делу, – строго произнес Максим.

– А кто ходит ко мне без дела? Странное вопрос, – он засунул руки в карманы и пожал плечами. – Это же абсурд. Ходить ко мне, да еще и без дела. Впрочем, кто это? – неожиданно резко корпус его тела повернулся ко мне. – Новый жилец?

– Да. Он будет жить у нас.

– А я что? Против что ли? Только за! В вашем доме только вы с Полиной. На случай нападения нужно хотя бы трое.

– Да, я помню, – мрачно произнес Максим. – Но теперь нас больше, можешь не беспокоиться.

– Двое мужчин и женщина, – задумчиво прокомментировал Чешир. – Своеобразный треугольник. Опасная комбинация. Вы столько всего натворить можете, страшно представить даже, – его голос перешел на какое-то странное мурлыканье.

Максим тяжело вздохнул и поправил волосы.

– Он с Полиной…

– Ах да, ведь он весьма хорош собой. Полина таких любит, – звонкий щелчок, большой палец на руке Чешира оттопырен, а указательный показывает в мою сторону. – Ну это же просто чудесно. Впрочем, это разве не противоречит вашим этим социалистическим штучкам?

– Нет, не противоречит, – устало ответил Максим.

– А как же коммуна? Далеки вы от идеала свободной любви. Однако я думал, тут ситуация будет как-то поинтереснее, – разочарованно произнес он. – Хотя ладно. Не мои это дела. С чем пришли еще?

– Мы хотим знать, где последний раз видели Александра.

– А это еще зачем?

– Нам необходимо это знать.

Чешир задумался. Уголки его губ дрожали. Молодое лицо слегка нахмурилось. Глаза его блестели от лучей уходящего солнца.

– Александр здесь всем очень мешает. Уже очень давно. Вроде бы ничего особенного, просто слоняется без дела, но это стало порядком действовать на нервы.

– Кроме того, его люди без земли, – заметил Максим.

– И это тоже, – кивнул Чешир. – Но мне не нужны неприятности с другими бандами. Впрочем, безземельных здесь хватает. Если кто-то из них неожиданно пропадет, границы территорий останутся прежними.

– Вот именно, – согласился Максим. – Так что?

– Ай, и ладно! – махнул рукой Чешир. – Сейчас выясним, где этот ваш Александр шляется, и делайте с ним, что хотите.

– Спасибо.

– Но меня в это не впутывайте, – ответил он. – Я вам доверяю. вы ребята хорошие, но все-таки напоминаю, что я подобные дела не лезу.

– Хорошо, Чешир, все будет в порядке.

– Раз так, то зайди к нам, вторая комната справа. Там в комнате с коммуникаторами сидит Дэн. Скажешь, что от меня. А я тут с твоим другом поболтаю. Ты ведь не против?

Максим на мгновение задумался, затем с опаской посмотрел на меня, прикусил нижнюю губу и молча пошел в сторону здания.

– Максим-Максим… Хороший парень, да?

– Пожалуй, – в растерянности ответил я.

– Смотри, что мне тут принесли, – сказал Чешир и вынул из кармана номерной значок армейского подразделения. – В городе одного офицера кинули. Прямо по среди белого дня. Он, как говорят, конечно, сопротивлялся, зараза, но долго строить из себя героя не смог. По кускам растащили. А мне в качестве трофея презентовали вот это… Ну и ну, если так дальше пойдет, то в военной форме будет очень опасно появляться не только у нас, но и любом районе города, не говоря уже о территории повстанцев.

– Территория повстанцев? – неожиданно мое горло сдавил спазм. Утро. Лиза. Автобус. Холодный зимний ветер. – Что это?

– Что ты хочешь узнать? – ответил Чешир, убирая армейский значок обратно в карман.

– Там то же, что и здесь?

– О нет, – протяжно ответил он. – Там ситуация совершенно другая. Не то, что наше захолустье. Там было, что захватывать, поверь. Если бы не было, люди вряд ли бы пошли на такое.

– Так что же они захватили?

– Знаешь, были разные версии, – Чешир пожал плечами. – Одни считали, что это просто людей бес попутал или что-то такое, ну вроде массового помешательства. Нашли при строительстве здания странный наконечник средневекового копья. По слухам, блестел так, что людям мозги все прожег. Не захотели они его отдавать, вроде как до сих пор за него воюют.

– А еще что говорят?

– Ну вот другая версия, мне кажется более правдоподобной. Видишь ли, тот район города – это рабочий квартал. Там заводы. Фармакология. Захватить контроль над производством лекарственных препаратов и прочей дури – это схватить за горло, по крайней мере, половину города. Я уверен, повстанцы это хорошо себе представляют.

– А почему же никто на штурм не идет?

– Во-первых, сил нет, – Чешир загнул большой палец на левой руке. – После гражданской войны войска и так с большой натяжкой контролируют лишь часть мегаполиса. А тут еще надо организовать нападение таким образом, чтобы не пострадали заводы. Это слишком. Во-вторых, у повстанцев тоже есть оружие, причем весьма неплохое, – он загнул указательный палец. – Откуда взялось – непонятно. Но имея в руках такие предприятия, всегда можно выменять на n-е количество доз инсулина приличное количество винтовок. это не проблема.

– А наше захолустье?

– Да кому к черту сдалось?! – Чешир развел руками. – Мой тебе совет – не заморачивайся на эти темы и смотри в оба. Все будет тогда круто. Понял?

– Понял, – кивнул я.

– Нам пора! – крикнул Максим. Он вышел из издания и явно был чем-то встревожен. – Давай быстрее!!

– Беги, парень, у вас мало времени. Это не район Плаза, здесь на такси не поездишь.

– Спасибо, – растерянно ответил я.

– За что? – удивлённо ответил Чешир.

Я не знал, что ему ответить и молча пошёл в сторону Максима. Чешир так и остался стоять в задумчивости возле костра, провожая нас взглядом.

***

– Мы уже почти пришли, – произнёс Максим, что-то разглядев в свой армейский бинокль. – Вот там впереди заброшенная платформа, бывшая станция «Посад». Костёр горит.

Значит, они там.

Мы шли вдоль железнодорожных путей. Поезда здесь уже давно не ходят, но тревога меня не оставляла в покое в течении всего нашего путешествия. То и дело я прислушивался к колебаниям рельс, опасаясь неожиданного появления электрички. Максим устал меня разубеждать, что система снабжения теперь отсутствует, транспорта нет, реально бояться нужно живых людей, но нельзя поддаваться приступам необоснованной паники. В остальном – низкая полоска горизонта, освещённая огнями далёкого мегаполиса, две параллельные прямые, идущие вдоль насыпи и молчаливые ели, окружавшие нас слева и справа, чёрная холодная ночь. Несколько простых истин, которые я вынес для себя в качестве исходного пункта своих размышлений. Хотелось много думать, но мысли были бессвязны. Кроме того, хотелось продолжать спрашивать Максима. Это желание подкреплялось появившейся в моём сердце уверенностью, что каждый ответ добавляет по фрагменту к разорванной картине моего представления о порядке вещей. Многое было неясно. Неясен был, прежде всего, я сам. Мои воспоминания не хотели превращаться в сетку взаимосвязанных элементов. Что-то во мне противилось этому. Какая-то неупорядоченность преследовала меня с того момента, как я попал в дом к Полине, а затем встретил Максима. Что было до этого – пыль прошлого. Наверное, в чём-то Полина была права. Это архив. Но мой архив ещё даже не был построен, чтобы о нём так говорить. Мне сложно было думать о себе. Поэтому вопросы хотелось задавать о том, что ко мне не относится.

– Максим, я хотел спросить… – начал я.

– Спрашивай, не бойся.

– Чешир сказал, что повстанцы захватили заводы…

– Да, фармакологические. Это была их главная стратегическая цель.

– Значит, история про наконечник копья – неправда?

– Нет, правда, – на мгновение Максим развернулся ко мне. – Иначе с чего бы им надо было острие копья в качестве символа на своём флаге использовать?

– Ты хочешь сказать…

– Нет никакой магии и волшебства. Наконечник, нашли, да, но мистика тут ни при чём.

– А зачем они тогда его…

– Я думаю, что по инициативе их лидеров. Вот что это за лидеры – пока непонятно, – Максим тяжело вздохнул, и хлопнул меня по плечу. – Давай потом об этом. Мы уже совсем близко. Замёрз?

– Немного, – дрожащим голосом произнёс я.

– Ничего, дома согреемся, потерпи, – ответил он, вновь всматриваясь в стёкла бинокля. – А ситуация, кстати, в нашу пользу. Александра, видимо, тут совсем не любят.

Кто-то уже успел ему преподать урок. Возможно, и убивать не придётся, – продолжил он, слегка замедляя темп своей речи.

– Так мы…

– Теперь, скорее всего, нет. Там он и двое его людей. Вид у них не самый лучший. Сейчас, как никогда, можно всё уладить без крови.

Когда мы стали подходить к платформе совсем близко, я разглядел людей, сидящих возле костра. Александр был одет в деловой костюм, воротника нет, рукав порван, словом, от пиджака остался лишь слабый намёк, брюки были испачканы в кроваво-коричневой жиже. Разбитый нос и губа отдавали красно-синим цветом кровоподтёков. Двое других были не лучше. Порванные спортивные куртки, измазанные в грязи, на спинах были отчетливо видны следы чьих-то ботинок. Ногами их били, скорее всего, не очень долго, иначе следы бы не были такими отчётливыми.

– Стой здесь, в тени, – шёпотом произнёс Максим, указывая на железная балку от шлагбаума. – Я со всем разберусь. Если что-то пойдёт не так, кидай в нападавшего вот это и беги, – продолжил он и протянул мне странный шарообразный предмет. Я аккуратно положил его себе в ладонь и почувствовал, как под чем-то мягким выступает что-то очень острое, скорее всего, металлическое.

– Что это?

– Это «ёж». Внутри – загнутые и сцепленные друг с другом гвозди в виде восьмиконечной звезды, хорошо заточенные. Сверху – пластилин.

– Странная вещь, – не совсем разборчиво произнёс я. – При ударе гвозди проходят сквозь пластилин и наносят урон?

– А ты не так уж и глуп, – улыбаясь, ответил Максим. – Обычно это используют для того, чтобы пробить лобовое стекло автомобиля. Анархисты в уличных стычках с полицией очень часто кидают «ежей» в стёкла фургонов. Сделать – легко, а эффективность, как ни странно, очень высокая.

– А убить им можно?

– Вряд ли, – покачал головой Максим. – Гвозди не настолько выпирают, чтобы глубоко войти в тело жертвы. Можно разве что хорошо поранить. Но твоё дело – это кинуть и бежать. Понял?

– Понял.

– Вот и молодец. Стой здесь.

***

– Привет, Александр! – Максим резко вскочил на противоположный от бандитов стороне платформы. – Поговорить надо!

– А ты случаем не ёбнулся? – низким хриплым голосом ответил Александр. – Может, тебе помочь чем?

– Помочь ты мне можешь, только сперва понты свои побереги, а то, я вижу, они тебе боком вышли.

– Пиздуй отсюда, пока твои стекляшки тебе в жопу не засунули, – кто-то из парней стал явно нервничать, но пока ничего предпринимать не решался.

– О! Александр, а у твоих шавок и голос есть! Может, и дальше вместо тебя говорить будут, а?

– Если ты такой невъебенный, то говори, хули пришёл, – Александр сделал шаг в сторону Максима. Я смог лучше разглядеть его лицо. Оно было мне знакомым. Молодой парень, до 30 лет, трёхдневная щетина на опухшем лице, над правым глазом три точки – следы от инъекций. Видимо, когда-то он мог лишится глаза.

– Помнишь, у тебя паренёк один деньги занял?

– У меня таких дохуя!

– Не пизди, Алексадр! Это не по твоей части. Вы же просто хотели раскрутить лоха. Ведь так? К вам по случайной наводке от лохотрона пришёл паренёк с расстроенной психикой и попросил денег. А вы, конечно, обрадовались. И поставили этого парня на счётчик, а потом крутили его в течение нескольких месяцев. Я разве что-то не так говорю?

– А ты что, больно умный, чтобы ночью себе пиздюлей искать? – Александр слегка наклонил голову, будто бы всматриваясь в лицо Максима.

– А я не жид, чтобы вопросом на вопрос отвечать.

– Блять, ну был такой и что? – он продолжал шагать в сторону Максима, его люди тоже встали и медленно стали двигаться в том же направлении. – Тебе что? Тебе-то, мудак, что от меня нужно?

– Мне нужно, чтобы ты оставил этого парня в покое.

– А хули ты в него впрягаешься? – голос Александра стал более высоким, но хрипота осталась, от этого его слова стали звучать так, будто, кто резко открывает скрипучую Дверь. —

А вы, ребята, случаем не по этой теме прикалываетесь? – он стал бить ладонью по своему кулаку и улыбаться, насколько ему это позволяли ушибы.

– Я вообще-то подумал, что это твои бобики этим больше промышляют. Или я ошибаюсь, и ты любишь, когда они тебя вдвоём ебут?

– Значит, решил, что прожил хорошую жизнь? Ладно. Сейчас мы это прекратим, – ответил Александр. – Пацаны, тащите его сюда!!

В этот момент парни в спортивных куртках побежали в сторону Максима. Один из них развил приличную скорость. Он уже было занёс кулак, но тут час же свалился на живот и стал громко хрипеть. Я краем глаза увидел, как Максим достал из рукава второй нож. Он был больше, чем тот, который угодил в парня. Он был больше похож на короткий римский меч – широкий и прямой, с большой рукояткой. Другой парень не успел понять, что произошло и по инерции продолжал бежать навстречу Максиму. Резкий шаг в сторону. Рука Максима, хватает за запястье противника, тот теряет равновесие, в тот же момент получает удар ножом в область живота. Ещё секунда, лезвие продолжает всё глубже и глубже входить в брюшную полость, резкий поворот рукоятки, и Максим уже демонстрирует Александру, как кровь его человека стекает по лезвию оружия.

– Довольно, или ещё показать? – переводя дыхание, произнёс Максим.

– А ты, я погляжу, ножичком-то размахивать горазд.

– Ну на твоих уродов меня хватило, как видишь.

– Ещё что-нибудь делать умеешь? – спросил Александр. Он неожиданно достал пистолет и направил его в сторону Максима. Меня забила нервная дрожь. Максим сделал полшага назад и с сожалением вздохнул. Мне показалось, что он был расстроен. Его не волновала собственная

жизнь. Он просто был подавлен тем, что проиграл какому-то мелкому уголовнику. – Умеешь от пуль уворачиваться?

– Ого! Пистолет даже себе купил! – саркастически произнёс Максим. – А получше костюмчика в Плазе не нашлось? Или всё ушло на этот ствол?

– Да что ты знаешь о Плазе? Вы тут, блять, деревня.

– Да, у нас тут поебаться стоит подешевле. Иногда даже по любви, по секрету скажу, бесплатно получается.

– Ты меня заебал, – произнёс Александр и вытянул свою руку, чтобы прицелиться. – Куда хочешь? В живот, чтобы хватило времени на последние слова, или сразу в лоб?

– Ты думаешь, мой нож не успеет застрять у тебя между глаз? Александр, брось ты все эти понты! Ты ведь скорее всего даже стрелять не умеешь.

– Может, и не умею, но тебе пулю въебу точно. А ножичек свой бросай сколько угодно!

Максим гордо выпрямился и высоко поднял подбородок. Я не видел его лица, но отчего-то мне казалось, что в данный момент оно полно смирения и покорности. Я хотел закричать. Я открыл рот, но не смог издать и звука. Горло сковало в жутком спазме. В голове зазвучала музыка. Смычок скользил по струнам скрипки. Многозвучие инструмента отдавалось приятными колебаниями по всему телу. Неожиданно на моих глазах небо стало стремительно менять свои оттенки. Звёзды исчезали, огни далёкого города меркли. Чернота уступила место тёмно-синему, а затем и светло-голубому цвету. Солнце посреди ночи разорвало ткань ночных предубеждений. Мрак исчез в всепоглощающем свете солнечных волн. Я увидел сочно-зелёный оттенок трав возле моих ног, я видел, как потрескавшийся асфальт отливает песочно-голубым, будто море и песок, будто жизнь, будто я. В то мгновение мне стало ясно, что мои вены превратились в крепкие струны, они становились всё длиннее и длиннее, пока не порвали кожу на моём теле. Они обогнули тело Максима и сконцентрировались возле шеи Александра, образовав своеобразный желоб для ветреного потока. Как вода, как вино и смерть. Моя рука, сжимавшая странное оружие, выданное мне перед началом боя, плавно отпустила его. «Ёж» быстро покатился вдоль желоба из моих вен-струн и попал аккуратно в область кожи на шеи Александра. Ещё мгновение и из образовавшейся на этом месте пустоты, стали взлетать вверх яркие и красочные серпантины. Спиралевидные ленты всё усиленней и усиленней стали выпрыгивать из бездны его горла. Как будто вся ночь поместилась внутрь его мерзкого тела. Александр выронил пистолет и схватился за шею. Серпантины обвивали его руки, падали на землю, покрывая всё пространство вокруг его ног. Он упал на колени, закряхтел и, ударившись головой об асфальт, выключился и стал медленно бледнеть. Яркие ленты серпантина растекались вокруг его тела. вот уже целая груда бумаги всевозможных оттенков скопилась возле него.

***

Скрип замка. Резкий звук открывающейся двери. Мы дома.

– Ну, наконец-то! – радостный голос Полины. – Пришли. Я уже устала вас ждать. Почему так долго?

Максим молча снял ботинки и, не раздеваясь, прошел в свою комнату.

– Что это с ним? – ее лоб нахмурился.

Я стоял, как истукан, тоже не мог сказать ни слова.

Всю обратную дорогу мы шли молча. Бледное лицо Максима, тьма, окутавшая нас по среди ночи, тусклый свет походного фонарика и звук ног, перебирающих мелкий гравий, – так остался в моей памяти этот путь домой. Мне неоднократно хотелось вернуться назад, на платформу, и осмотреть тело Александра. Но что-то сдерживало меня. Властное молчание Максима. Он не хотел разговаривать. Мне казалось, что дело было не только во мне. Какие-

то его представления о жизни, возможно, перестали быть действительными. Я его плохо понимал, но мне казалось, что в чем-то мы с ним были очень похожи. В этом немом ужасе расшатанных нервов мы как будто существовали на одной волне. Впрочем, понимание все-таки было. Когда нет слов, когда нет того, что может упорядочивать, превращать в что-то целостное и единое, под кожей начинают течь ручьи разрозненных чувств. Они еще не сложились в эмоции, не обрели ярлыки, но именно они преодолевали закостенелость слов и свободно проникали в мысли собеседника. В этом безусловном общении мы были одни. Не было посредников и не было судей. Как будто все исчезало за рамками здравомыслия. Эта безрассудность помогало нам быть вместе.

***

– Вкусно?

– Очень.

– Я рада, – улыбаясь, произнесла Полина. Она была в голубом домашнем платье и нежно-зеленом фартуке. – Хочешь еще?

– Я пока не доел. Тут много. Кстати, что это?

– Манная каша, – сказала она и громко засмеялась, прикрывая в смущении свое лицо. – Ну надо же, кто-то еще любит манную кашу.

– А что, Максим не любит?

– Ненавидит просто.

– А ты?

– А я обожаю, – ответила Полина. Она встала со стула и подошла к плите. Взяла в руки маленькую кастрюлю и продолжила усердно мешать содержимое. – Очень важно, чтобы не оставалось комков. Будут комки – будет и ненависть, – сказала она и снова засмеялась. – Нет, ну каково, а? Ты любишь манную кашу. Это просто чудо!

– Ты Максиму специально с комками делаешь? – сказал я и, не удержавшись, тоже засмеялся.

– Люблю, когда ты смеешься. Ты такой забавный.

– И ты тоже.

– Нет, – она подошла ко мне, взяла мою чайную ложку, опустила в кастрюлю и ловко с помощью нее измазала мой нос кашей. – Я красивая и обворожительная!

– Хорошо, я понял.

– С юмором у нас тоже проблемы? – сказала Полина и поставила кастрюлю на деревянную подставку на столе.

– Ты такая милая. Я не знаю, что сказать.

– Тогда встань и поцелуй меня, – серьезным тоном произнесла она.

Я покорно встал и приблизился к ее лицу. Она закрыла глаза и слегка приоткрыла губы. Я аккуратно обнял ее за талию и нежно провел руками по ее волосам. Она слегка простонала. Я медленно коснулся своими губами ее губ. Запах авокадо и шум морского прибоя.

– А целоваться ты все равно не научился, – шепотом произнесла она и обвила свои руки вокруг моей шеи. – Так что же мы будет делать? Всему тебя учить?

– Почему бы и нет, – ответил я, пожимая плечами.

– Не страшно, многие люди не умеют целоваться. Сексом занимаются все, а целуются только немногие.

– Интересно, почему? – в недоумении спросил я.

– Не знаю. Просто не умеют. В итоге наслаждаются не очень приятным для глаза слюнообменом.

– Как будто во время поцелуя этого не происходит?

– Там это не главное… Что ты все меня спрашиваешь? Впереди еще недели каждодневных тренировок!

– Заставишь целоваться с помидором!

– Где ты эту пошлость выслушал?

– Везде. Это распространённый пример.

– Выкинь сейчас же его из головы, – сказала она и коснулась кончиком языка моей верхней губы. – Будем начинать все с самых «азов».

– Я согласен.

– Еще бы ты отказался! – ответила Полина и продолжила. – Я схожу к Максиму, узнаю, что с ним.

– А мне что делать?

– А ты должен доесть всю кашу! Чтобы ничего на тарелке не осталось! Понял меня?

– Понял, – кивнул я.

Она ушла с кухни, успев послать в мою сторону воздушный поцелуй. Я смутился. Пару секунд смотрел на закрывшуюся дверь. «Как ей все удается?» – подумал я и тяжело вздохнул. Тусклый свет от лампы, вмонтированной в вытяжной аппарат над плитой, рассеивал мои и так немногочисленные догадки. Я сел на табуретку, взял в руку столовую ложку и продолжил свой поздний ужин. Каша успела остыть. От этого ее вкус был похож на вкус сливочного крема. Маленький кусок масла находился где-то на дне тарелки под толстым слоем каши. Перед тем, как ее подать, Полина нарисована на ней клубничным вареньем страшную человеческую рожу – два вытаращенных глаза, кривой рот и вертикальная линия чуть выше верхней губы, вероятно, нос. К этому времени я уже успел съесть левый глаз, полноса и смешавшийся с основной массой каши рот. Сочетание вкуса манки и клубничного варенья заставило меня расслабиться. Я ел медленно, не боясь, что кто-то украдет мою кашу. С каждым глотком лакомства я мысленно делал обратный отсчет. Странная игра пришла в мою голову совершенно случайно, так мне было интересней за столом. 10,9,8,7,6,5,4;10,9,8,7… Вскоре от каши ничего не осталось. Живот приятно урчал, одобряя принятую пищу. Полина вернулась в тот момент, когда меня стало клонить в сон. Я вытянул руки вдоль стола и изо всех сил потянулся.

– Это еще что за дела?

– Прости, я что-то устал.

– Устал есть?

– Нет, просто устал, – ответил я, поднимаясь и протирая глаза.

– Кашу всю съел? – с подозрением спросила Полина.

– Всю!

– Покажи, – недоверчиво сказала она.

– Вот, – я пододвинул к ней пустую тарелку.

– И в ведро ничего не выкинул?

– Нет. А зачем? – в недоумении ответил я.

– Хм, ну смотри у меня, – улыбаясь, сказала Полина. – А что ты любишь?

– Все люблю.

– Это чудесно, – ответила она, подошла ко мне и поцеловала в лоб. – Тогда я буду готовить тебе все.

– А что с Максимом?

– Все хорошо.

– Ну, а как же…? – неразборчиво начал я. – Он ведь был такой…

– Какой «такой»?

– Расстроенный.

– Ничего. Это ему полезно. В Фурье верит, а в живых людей – нет, – с раздражением произнесла она. – Он сомневался в нас и, прежде всего, в тебе.

– А что во мне такого?

– Ты еще ничего не понял?

– Честно говоря, нет.

– Ты угодил Александру в какую-то артерию, и он умер. Все просто.

От этих слов меня как будто ударило током. Перед глазами вновь появилось бледное лицо Александра, затем серпантины и пустота в его горле. Холодная ночь. И был это не я. Не я. Не я.

– Это был не я, – мой голос дрожал.

– Хорошо, это был не ты, – Полина обняла меня за плечи. – Все образуется. Не бойся.

– …Там были серпантины. Из его горла, – настойчиво продолжал я. – Было еще очень светло. Солнце откуда-то взялось. Ничего не понятно.

– Хорошо-хорошо, – Полина гладила меня по спине. – Все хорошо. Наверное, тебе все померещилось. Это бывает. Тебе нужно отдохнуть. Был длинный день. Завтра все будет иначе.

– Полина, – сказал я, чувствуя, как слезы душат меня.

– Что, милый?

– Спасибо тебе.

– Нет, не говори это. Пока рано! – ответила она, неожиданно засуетившись. Она встала со стула, достала из кармана фартука маленькое зеркальце и, глядя в него, стала поправлять волосы.

– Почему?

– Закрой глаза, – продолжила Полина

– Зачем?

– Ну закрой, – произнесла она, повернувшись ко мне.

– Хорошо, – ответил я и выполнил ее просьбу. Как только я опустил свои веки, то почувствовал внутреннее успокоение. Стало немного легче. Желтые и красные пятна едва заметными вспышками рисовали причудливые фигуры, на какое-то время я отвлекся от всего, что могло быть.

– Можешь открывать

– Точно?

– Обязательно открывай, а то все закончится.

Я услышал, как расцепляются мои слипшиеся ресницы. Видимо, несколько слез все же настигли меня, пока я сидел с закрытыми глазами.

– С днем рождения! – сказала она, внося в комнату огромную тарелку с шоколадным тортом. Он был сделан из нескольких медовых коржей. В качестве крема был использован шоколадный мусс, а поверхность верхнего коржа была покрыта шоколадной стружкой. Было видно, что стружку Полина тщательно делала сама, натирая на терке шоколадные конфеты всех возможных видов. Запах лакомства сочетал в себе аромат меда, шоколада и коньячной настойки. Приятный дурман стал окутывать мое сознание. Все тревоги на какое-то время исчезли, не оставив и следа.

– А это что? – произнес я, указывая на горящую свечку по середине торта.

– Я решила, что надо сделать отсчет. Поэтому пусть будет один.

– Отсчет чего?

– А разве есть разница? Люди отмечают года, месяцы, недели, а кто-то – дни, часы и минуты. Наверное, отсчет жизни. Пускай сегодня мы отметим твой день.

– А разве у меня день рождения? – спросил я, потрясенный сюрпризом.

– А почему бы и нет? Я хочу, чтобы у тебя сегодня был день рождения, – сказала она и поставила торт на стол. – Ты ведь не против?

– Нет.

– Ну вот и хорошо! Задувай свечку!

Я набрал в легкие воздуха и изо всех сил стал дуть в направлении десерта.

– Хватит-хватит! – смеялась Полина. – Ты себе так весь торт сдуешь!

– Ой, – произнес я, увидев, что свечка приняла горизонтальное положение. – Я нечаянно.

– Ты мой силач! – сказала она и захлопала в ладоши. В воздухе чувствовался запах плавленного воска и спичек.

– Ну, хватит!

– Что такое?

– Я уже весь горю от стеснения.

– Хватит стесняться! Ты дома! – ответила Полина и дала мне подзатыльник. – Понял?

– Понял, – сказал я, потирая голову.

– Будешь кусочек?

– Конечно!

– Только маленький! Завтра он будет вкуснее, – ответила она, ловко вырезая тонкий кусок торта. – Давай сюда тарелку!

Я подошел к серванту в углу, открыл стеклянную дверь и достал оттуда блюдце. Молча, положил его на стол.

Полина с помощью ножа и десертной вилки аккуратно водрузила на него небольшой кусочек лакомства.

– Съешь его, а потом похвали меня.

Как только я почувствовал вкус торта, возникло ощущение голода. Но это был голод, сопряженный с радостным приливом эндорфинов в крови.

Сладкое счастье стерло из памяти всю хронологию сегодняшних диалогов.

Я в наслаждении зажмурился и громко сказал: «Ты чудо!»

– Произнеси это еще раз

– Ты чудо!

– А еще?

– Ты чудо-чудо-чудо!

– А теперь можешь сказать то, что ты не договорил, – сказала Полина. Ее голос был самодовольным.

– Спасибо тебе!

– Не за что, – ответила она, вглядываясь в мои глаза. Казалось, она что-то искала в них. Благодарность? Страх? Тревогу?

– Пора спать.

– Хорошо, – произнес я. – А что с тортом?

– Вот что, – ответила она, накрывая тарелку прозрачным колпаком. – А Максим ничего не получит.

Мы выключили свет на кухне и молча, прошли в нашу комнату.

***

Я был острым предметом, разрывающим ватное прогнившее одеяло воздуха. Углекислый газ впитался во все поры старой кровати. Человеческое дыхание вытесняло собой жизнь. С каждым вздохом. С каждым выдохом. Смерть искала своего союзника. Её невидимые пары отравляли кожу на теле, разъедали сетчатку глаз. Они выворачивали все внутренности наружу, ломая кости и сухожилия, в то время как нервы превращались в крепкие узлы боли. Слипшиеся пряди волос существовали как будто сами по себе. В тот момент казалось, что только они останутся жить.

Тем временем рукава солнечного света тянулись к ядовитым парам смерти. С каждой секундой всё отчётливее были видны уродливые пальцы солнца с её кривыми ногтями. Они тянулись до смертельных паров, чтобы установить связь.

***

Я проснулся посреди ночи от собственного крика. Дрожало все тело. Только руки оставались в покое. Хаотический поток мыслей боролся с моим желанием найти в этой неразберихе причину моего ужаса. Левую ногу скрутило в судороге. Я чувствовал, как все внутренности ныли от соприкосновения с костями. Казалось, что все тело покрыто изнутри пятнами от ушибов. Ни одного живого места.

– Милый, что с тобой? – тревожно спросила Полина и включила ночник.

Свет резал глаза. Как будто ножом по сетчатке. Боль стала усиливаться.

– Выключи его! – крикнул я, прижимаясь к стене. – Выключи его как можно скорее.

– Хорошо-хорошо, милый! Все в порядке, – ответила она, прикоснувшись к выключателю. Комната снова погрузилась в черный мрак.

– Мне плохо, – произнес я, преодолевая сбившееся дыхание. Легкие выворачивало наизнанку.

– Что с тобой? – тревога в ее голосе росла. – Что мне сделать?

– Мне плохо!!

Полина прижалась ко мне. Ее упругое тело источало жар. Она схватила мою голову в свои руки, зафиксировав, таким образом, мой взгляд на фрагменте стены. Черный круг и палитра серого. Старое немое кино. Кадр за кадром. Я услышал звук пленки и вспомнил. Вспомнил то, что хотел похоронить.

– Полина, а я тебе не все рассказал! – громко сказал я, когда дыхание немного пришло в норму. – Хочешь услышать еще? ты ведь любишь странности, да? – мой рот искривился в немой боли.

– Расскажи, – Полина продолжала крепко держать мою голову, но хватку немного ослабила.

…И я рассказал.

***

После того как я вернулся домой от Лизы все и началось. Или закончилось. Точно сказать не могу. В квартире стоял неприятный запах. Я молча разделся и оставил вещи в прихожей. Вода в ванной была ржавой, пришлось «мыть руки», используя влажные салфетки. Фильтр на кухне я поменял до своего ухода. Это радовало. Он новый. Значит, как только польется нормальная вода, у нас будет, что пить. Я долго не решался войти в комнату.

– Ты пришел? – произнес добрый и усталый голос.

– Да.

– Как все прошло?

– Нормально.

– А подробнее?

– Я же говорю, что нормально! – резко ответил я.

Пауза. За окном горел свет. Солнечный диск вращался по часовой стрелке. Время вперед. Я облизал засохшие губы и вошел в комнату.

– Прости меня, – начал я. – Я не хотел. Просто метро, сам понимаешь, транспорт, это нервирует.

– Не извиняйся, – ответило высохшее лицо. – Главное, что ты наконец-то куда-то сходил.

– Не было смысла, – я подошел ближе и осторожно присел на край кровати. – Но все было хорошо.

– Это здорово, – ответил лицо.

– Яркое сегодня солнце.

– Да. Мне это нравится.

– Хорошо, что тебе нравится.

– Я тут думал насчет того, как мы будем писать письмо в Академию. Это необходимо сделать. Ты был прав. Тот эскиз – это картина Моне.

– Обязательно, – ответил я и глубоко вздохнул. – Но сперва тебе нужно поправиться.

– Это да. Но мы все успеем, так что не бойся.

– Я и не боюсь, – комок в горле застрял на уровне гланд. – Тебя ведь выписали.

– Да, – сказало лицо, прикрыв глаза. – Потом нам надо будет подумать о публикации.

– Снова совместная статья?

– Да, как обычно. Ты же писать не умеешь.

– Да ну?

– Конечно. Всему тебя ещё учить нужно.

– Не забывайся, ты меня старше, может, лет на 5 только.

– Пять лет – это тоже много. Можно институт закончить.

– Да. А можно еще арт-программирование выучить.

– Опять ты за свое, – лицо улыбалось. – Расскажи лучше про девочку.

– Не хочу.

– Она же вроде симпатичная.

– Вроде.

– Из тебя и слова не вытянешь.

– А ты меня не первый год знаешь.

– И то верно, – голос сильно ослаб. – Я немного вздремну, ладно?

– Хорошо, – ответил я. – Только давай я поменяю… ну…

– Давай.

Я молча потянул за край простыни. Пальцы усердно перебирали ткань. Белая поверхность была покрыта черно-коричневыми пятнами. Когда я завершил это, то понял, что появились еще и красные точки. Судя по всему совсем недавно. Я также молча свернул простыню в небрежную массу и понес в ванную. Там уже мной был приготовлен специальный контейнер из твердого пластика и полиэтиленовых пакетов. Проверив воду, я немного обрадовался тому, что ржавчина прекратилась. Запах тем временем все сильнее и сильнее проникал в мой нос. Мне было неприятно. Отвратительно. Мерзко. Еще более мерзко было то, что я осознавал свою неприязнь, брезгливость к происходящему. От этого было больно. В коридоре я сел на пол, прислонившись к стене. «А что если сейчас? – подумал я, – Немного нажать на горло и все. Все закончится быстро. Ему не будет больно,» – пронеслось в моей голове. Нет, будет. Никогда не бывает не больно. Никогда. Я вспомнил, как мы говорили слова «все нормально» и «все в порядке». Всей бумаги в мире не хватит, чтобы написать эти слова столько же раз, сколько мы их произносили. А потом я почувствовал укол в самое сердце. Я услышал мычание, доносящееся из комнаты.

Не помню, как скоро я был уже там. Лицо напряглось от боли. Вены вздулись. Кожа стала белее мела. Глаза искали меня. Я схватил лежащую на кровати руку, которая ничего не чувствовала. Но мне было все равно. Я смотрел в эти глаза и видел всю жизнь. Вспышки и дрожащий нерв. Тростник и ветер. Море и небо. Соленая вода и земля на дне ямы. Перистые облака в траве на лугу в горах. Холодные губы и счастливый финал. Рукава света тянулись к нему. Из каждого рукава торчали уродливые руки. Они целились в шею. Я резко встал и побежал к окну. Я дернул за штору, но свет не прекращался. Тогда я побежал в коридор и схватил наши куртки и мое пальто. Вошел в комнату и прикрепил их к крючкам, на которых держались шторы. Стало чуть темнее. Я схватил ножницы, лежащие на столе, и подбежал к креслу. Обшивку я разорвал очень быстро. Мимолетно радуясь своей победе и прикрепляя подобным

образом ее к конструкции из штор и одежды, я стал улыбаться. Все получится. Еще немного и станет совсем темно. Еще чуть-чуть и руки солнца исчезнут. «Все будет в порядке, – крикнул я, – Почти! Почти! Совсем немного осталось». Я спрыгнул со стула и в один шаг преодолел расстояние между окном и кроватью. Я снова схватился за руку. Глаза продолжали смотреть на меня. Еще мгновение, и я услышал, как воздух выходит из легких. Едва заметный свист. Глаза говорили. Они говорили: «А как же ты?». А как же ты? А как же ты? Нет. Ничего. Ты ведь никуда не уйдешь. Здесь уже темно. Почти ночь. Мы останемся здесь. Куда же ты сам без меня. Опять влетишь в какую-то историю, а мне потом за тебя отдуваться. Ты ведь не можешь без меня. Мы это знаем. Ты останешься тут. Со мной. Не делай глупостей. Все будет в порядке. Уже лучше. Уже не больно. Скоро все закончится. Мы снова будем как всегда. Как тогда, как хотели, как могли, как желали, как мечтали. Только света не будет. А зачем он нам? Он только мешает. Он пыль. Он ничто. Он выдумка ученых. Его не бывает. Мы есть. А его нет. И никогда не было. А мы были. И были всегда. И это то, что мы. То, что ты, то, что я.

***

Когда все закончилось, я посмотрел на часы. Запомнил время. Медленно подошел к телефону.

– У нас тут человеку плохо.

– Адрес?

Я назвал адрес и стал ждать скорую. Если сказать о смерти, то они приедут только завтра. Я запомнил это, когда мы с ним обсуждали что-то про медицинскую службу.

Казалось, что он еще здесь. Тело лежало на двух сдвинутых друг к другу кроватях. Я сделал это, когда его парализовало. Но сейчас это было неважно. Я лег на соседнюю кровать и положил свою голову ему на грудь. Поправил одеяло. Не хотелось смотреть на вздувшийся от отека живот. Мы лежали в темноте. Одни.

Врач приехал примерно через час. Его глаза округлились, когда я сообщил о смерти.

– Как так? – спросил он.

– Так. Он умер, – холодно ответ я.

Часом позже появился похоронный агент. Это была полная женщина в черном деловом костюме. Она достала бумаги и калькулятор. Что-то считала. Я только кивал головой. Потом в комнате появился участковый. Он спросил мое имя и имя умершего. Я назвал. Год рождения. Место регистрации. Причина смерти. Несильно отвлекаясь от работы, участковый и похоронный агент успевали отвешивать друг другу комплименты. Женщина флиртовала весьма агрессивно. Говорила что-то про широкие плечи участкового. Тот только и успевал, что улыбаться. Затем появились люди с большим черным пакетом. Они небрежно погрузили тело внутрь, как будто это была туша животного. В коридоре пришлось помочь им пронести тело до лифта. Дверной проем был очень узким. Справились с большим трудом. Врач вежливо попрощался и ушел. Вскоре его примеру последовала и похоронный агент. Несколькими днями позже нам придется еще видеться, я буду заполнять бумаги и отдавать деньги. Много денег. Квартира тоже исчезнет. Выгодное предложение. Сразу и быстро. Денег хватит совсем ненадолго. Но это не главное. Главное уже исчезло. Его больше не было.

В ту ночь я спал на сдвинутых друг к другу кроватях.

***

Снова яркое утро. Солнце. Кухня. Полина рассержена. Она повёрнута ко мне спиной, плечи то поднимаются, то опускаются. Дышит тяжело и громко, как будто хочет забрать весь воздух на планете Земля себе лично, а потом резко выпустить струю углекислого газа и смести всё живое вокруг. На ней домашнее сине-зелёное платье. Волосы аккуратно расчесаны. Пово-

рот глаз чуть сторону – вижу, что торт превратился в бесформенную кашу, прозрачный колпак исчез, тарелка разбита. За столом сидит Максим. Кожа на правой щеке его покраснела. Он смотрит куда-то сквозь стену, не замечая моего присутствия. В отличие от Полины он почти не дышит. То ли боится рассердить свою сестру, то ли потерял желание ощущать динамическое движение своих лёгких. Рядом с ним лежит кусок торта. Видимо, пытался его съесть. Не удалось.

– Доброе утро, – сказал я и прислонился к стене. Мне не хотелось улыбаться. Страшно болела голова и немного тошнило. Так всегда бывает, когда много плачешь.

– Ты не хочешь нам кое-что объяснить? – ровным голосом произнёс Максим. Взгляд его всё также был обращён куда-то в пустоту.

– Не начинай, – злобно сказала Полина.

– Ты чего-то боишься? – продолжил Максим. – У каждого в прошлом есть свои истории. Они бывают плохими и хорошими только для людей не любопытных. Нам ты можешь рассказать всё. Осуждать тебя мы не будем.

– Что мне нужно рассказать? – в недоумении ответил я.

– Это тебе самому решать. Но факт – кое-что ты от нас утаил.

– Это абсолютно неважно! – громко и злобно произнесла Полина. – Он будет с нами. Что с ним было раньше – это его прошлая жизнь.

– Нет, сестрица, это как раз очень важно. Нет никакой прошлой жизни, – произнёс Максим. – Если ты, конечно, не буддист.

– Смешно, – фыркнула она и села на табуретку, всё также вглядываясь в оконное стекло.

– Я вас всё равно не понимаю, – сказал я. – Что я должен рассказать? Я, кажется, уже всё объяснил.

– А это тогда что? – Максим достал из-за спины нэтбук, быстро включил его и обратил дисплей ко мне. Вскоре на чёрном экране появилось видео. «Соревнование Сверхновых. Искусство – это спорт», – гласила ровная пульсирующая надпись. «Ассоциация специалистов в сфере арт-программирования и Фонд Искусство будущего представляет», – гласила вторая. «Четверть финала. Два художника. Одно пространство. Один начальный элемент. В поединке побеждает тот, чья вселенная уничтожит вселенную противника. Время боя – 20 минут».

Далее весьма хаотическая видеосъемка с место события – несколько рядов зрителей, их лица размываются от скорости проносящейся мимо них вебкамеры. Жёлто-синие цвета световых лучей и чёрные пятна человеческих силуэтов – общее представление о том, что было. Оператор, видимо, производил любительскую съёмку, так сказать, для домашнего архива. Несколько комментариев в сторону. Далее кадр остановился на сцене.

Огромный прямоугольник, покрытый мягким чёрным ковролином. Человеческие тени бегают туда-сюда. Видимо, техники настраивают оборудование. Ещё минута и начинает звучать торжественная музыка.

Несмотря на плохое качество записи, становится очевидно, что на сцену выхожу я…

***

Стенки шлема, как тиски, сжимали мою голову. Виски ныли, и кипела кровь в жилах. Хотелось много дышать, но я знал, что много кислорода будет мне только во вред. Я просто зайду на арену и сделаю всё, как собирался. Быстро и неожиданно. Плана толком не было. Я сидел около 2-х часов в тёмном помещении, чтобы глаза привыкли к полутьме. Так делали астрономы, я читал. Но, как показала практика, и мне так гораздо легче работать, если некоторое время зрачок привыкнет к интенсивности светового потока. Я был лучшим на курсе из тех, кто мог ориентироваться в вирт-пространстве. Сегодня очередной бой. Мне сказали, что это будет парень из США. Что ж, повоюем и с ним.

– Это Стэн, – сказал мне тихий, знакомый и добрый голос. – Он очень быстр, будь осторожен.

– Чего мне бояться?

– На что, по-твоему, в ближайшее время, нам с тобой придётся жить, – после хриплого кашля голос продолжил. – Каждая твоя победа – это месяц жизни, как минимум.

– Ну, если ради жизни, то я постараюсь.

– Шутник, – я почувствовал, как крепкая дружеская рука опустилась мне на плечо. – Я буду сидеть в зале.

– Лучше бы уж организовал столик!

– Планируешь разделаться с ним быстро?

– Да, не хочу тратить своё время.

Мы оба долго смеёмся. Я слышу обратный отсчёт. Скоро Вирт-пространство будет сгенерировано.

– В качестве исходного элемента, как говорят, будет ветряная мельница, – сообщил приятный и добрый голос.

– Странно как-то…

– Мне кажется, тебе это только на пользу. Стэн наверняка будет идти по принципу достраивания, деструкция – не его стиль. Учитывая твою любовь к реструктуризации отдельных элементов, ты сэкономишь время, потому что парню придётся тратить кучу сил на фон и перспективу.

– Думаешь?

– Да, я уже успел осилить приличное количество контента. Его стиль мне понятен. Думаю, ты будешь для него неожиданностью.

– Прямо скажешь…

– Вот увидишь, – ответил он. – Всё, я ухожу. Сколько бутылок сегодня брать?

– Возьми пять, – произнёс я, наслаждаясь гладкостью надетых на мои руки инфо-перчаток. – Не зови тех, что в прошлый раз! Они мне не понравились! – слова исчезли где-то в темноте.

***

Когда никого нет, когда действительно никого нет. Достаточно одной минуты, как глоток, вода вдоль горла, вниз, пищевод. Мне нужна одна минута и глубокий вздох. Яростная волна фантазмов в моей голове разливается единым существом, и вот целый океан в моей голове, бурлящий белой пеной и зелеными водорослями. Я готов увидеть и сделать, что угодно. Победить кого угодно. В отдаленной части темного пространства находился первичный элемент – то, из чего участники сражения должны сделать свой мир, который по условиям игры, должен уничтожить мир противника. Это была хрупкая статичная мельница. Серый хром ее лопастей и медно-желтый корпус отливали блеском метала. В один шаг я преодолел дистанцию и оказался рядом. Подняв голову, я увидел перед собой чужие руки. Вероятно, это Стэн. Он прикоснулись к основанию мельницы и сделали жест, будто в его руках находится связка ключей и он подбрасывает ее в воздух. Его неуловимый взгляду силуэт скрылся из виду. Вскоре часть вирт-пространства стала приобретать краски. Мерцающий синий и тускнеющий желтый. Ночное Небо. Скучно. «Не удивишь», – подумал я. Тем временем Стэн был неумолим – голова и тело его слились в единую бесформенную массу. «Быстрый, зараза», – пронеслось у меня в голове. Вскоре стали зеленеть откуда-то неожиданно появившиеся листья деревьев. Кислотно-зеленый цвет их раздражал глаза и непроизвольно заставлял дергаться лицевые мышцы возле губ. Внезапно, как это всегда со мной случалось, стала болеть голова. Кровь в висках разрывала кожу. Я знал, что нужно потерпеть всего лишь минуту, потом все станет лучше.

Лучше. И это произошло.

Вообще это, как всплеск. Яркие краски стекают по обратной стороне зрачка, и тогда кажется, что глазное яблоко – это сочный фрукт. Слюна перемешивается с желудочным соком, начинает тянуть живот, а потом резкий удар крови по венам и все уходит из-под контроля. Есть только руки и непонятный мне инстинкт вирт-манипуляций. Сознание в эти мгновения находится где-то в бэкграунде. В стороне от хитросплетений импульсивных актов воли, оно лишь бесстрастно наблюдает за происходящим. Я оторвал одну из лопастей мельницы, скрутил ее в конус и вытянул по вектору в небо. Острый угол пронзил небосвод и разорвал сине-желтое покрывало ночи. Основание конуса я разделил на две части, одна из которых лентой Мебиуса скручивалась в ползучую змею. Животное тотчас же стало издавать шипящие звуки и высовывать язык. Другая часть предназначалась для острых, как нож, блесток. В несколько движений мне удалось разорвать материю на сотни мельчайших частей и подбросить их вверх. Свет от тускнеющих звезд отразился с многократным усилием. Желтые прямые вспыхнули холодным январским морозом. Они стали заполнять Вирт-пространство в геометрической прогрессии. Змея не подпускала противника к тому, что было раньше мельницей. Я не видел Стэна. Но от чего-то мне казалось, что он был напуган. И почему-то мне хотелось видеть этот испуг и в глазах зрителей. Я был счастлив. И это было двадцать минут.

***

Мы были в комнате Максима. Здесь было очень душно и тесно. Всё завалено бесчисленным количеством вещей. В отличие от просторной комнаты Полины, комната Максима была заполнена различным хламом – от книг и журналов до коробок со спичками и плотной упаковочной бумагой. Свет в комнате практически отсутствовал. Книги Максим складывал в пять стопок напротив занавешенного окна. «Как же он их достаёт», – подумал я тогда. Возле левой стены лежал голый матрас, на котором располагалась простыня – белый невзрачный комок ткани. Голые стены были исписаны лозунгами и выдержками из книг.

> Маленькие дружины – это объединения детей, настолько утонченных в области хорошего тона, как может быть утончённым только лучшее общество в Париже и Лондоне.
>
> Любовь к грязи – это необходимый импульс, чтобы вовлечь детей в Маленькие орды, помочь им весело преодолевать отвращение, связанное с грязными работами, и открыть в «свинской карьере» широкое поле трудовой славы и единого человеколюбия…

– Это Фурье, – гордо произнёс Максим, поймав мой взгляд. – Он был очень умён.

– Не сомневаюсь, – пожал плечами. – Зачем мы здесь?

– Мы здесь за тем, чтобы начать твоё обучение, – ответил он и опустил свою руку мне на плечо. – Теперь мы вместе. И ты должен кое-чему научится, чтобы…

– Чтобы спать со мной, – услышал я голос Полины.

– Полина, ты не могла бы… – Максим злится очень медленно, наверное, поэтому Полина позволяет себе такие шалости.

– Хорошо-хорошо, – ответил он. – Я просто проходила мимо и услышала. Больше не буду, мальчики, обещаю…

Максим тяжело вздохнул и уверенно посмотрел на меня.

– Ты хочешь быть с нами?

– Да, – машинально ответил я.

– Ты согласен с тем, что мы должны друг другу помогать, – его голос звучал, подобно натянутой тетиве.

– Да.

– И ты, наверное, также согласен, что для необходимой помощи ты должен нас больше понимать, – Максим отчего-то нервничал.

– Вероятно, – сказал я и прочитал на одной из стен надпись: «Кто, если не ты?»

– Вот и отлично, – ответил Максим и громко хлопнул в ладоши. Тревога исчезла, будто её и не было совсем. – Можешь пока осмотреться, а я подберу для тебя первое, с чем ты должен ознакомиться.

Максим подошёл к стопкам книг, встал на одно колено и, уставившись на корешки, стал о чём-то думать. Мне не хотелось его отвлекать, а ещё больше не хотелось потерять возможность получше ознакомиться с его комнатой. Как и в комнате Полины, на полу стояла настольная лампа. Рядом с матрасом лежала отдельная стопка книг. Я подошёл к ней и стал рассматривать обложки. Достоевский, Толстой, Сервантес, Шекспир…

– Максим, можно мне что-нибудь почитать художественное?

– Смотря что, – вид его был озадачен. – Что тебя заинтересовало?

– Вот это, – я показал на всю стопку книг. – Можно?

– Нет, – сухо ответил он.

– Почему?

– Большинство из них только считается чем-то гениальным, а на самом деле – бацилла. Читаешь и чувствуешь, что силы уходят, это как болезнь. А нам нужны силы, понимаешь? Силы!

– Неужели ничего из этого не пригодно для меня? – я был расстроен. Мне хотелось развлечь себя сюжетом. За последние дни моя жизнь сама стала, как книга. Жить в книге было тяжело. Быть может, сюжет, который расскажет мне автор, отвлечёт меня? Я был в смятении. С большой надеждой смотрел на Максима.

– Разве что эта, – ответил он и протянул мне книгу Сервантеса. – «Дон Кихот». Я ничего в нём не понял. Некоторые моменты смешные, некоторые – грустные. В целом сойдёт для чтения на ночь.

Я крепко схватил книгу и с жаром прижал её к себе.

– Про это не забудь! – Максим вручил мне ещё несколько томов какого-то собрания сочинений. – Читай внимательно.

– Хорошо, Максим.

Ещё через минуту я оказался в коридоре. Дверь моментально захлопнулась. Теплый ветер нёс запах вечерних приготовлений. Тусклый свет за дверью грел, подобному человеческому теплу. Мне хотелось как можно скорее отойти от захлопнувшейся двери. Она мне была неприятна. Звук. На кухне было слышно, как Полина раскладывает еду по тарелкам.

– Пора ужинать!

Я счастливо улыбнулся и прямо с книгами шагнул в сторону кухни. Там всё хорошо.

***

Совершенно не помню, почему я согласился. Странное чувство, охватившее меня в тот момент, заставило моё «Я» отказаться от попытки подумать над всем случившимся. Мне хотелось сделать приятное этому человеку – единственное, что сопровождало меня в минуту поступка. Войдя в эту комнату, я ощущал невыносимую тяжесть долга перед Максимом. Согласившись, я избавился от неминуемого страдания и отдался воле другого человека. Это произошло так легко.

– Ты согласен с тем, что мы должны друг другу помогать?

– Да.

– Ты согласен с тем, что мы должны друг другу помогать?

– Да.

Это так легко и просто. Слово «да» сорвалось с моих губ, и я стал свободен от долга и несвободен от Максима.

***

Одна мысль. Одна только мысль, что я смогу встать по ту сторону развернувшегося сюжета давала мне силы. Процесс чтения – это процесс твоей жизни по сторону текста. За текстом можно спрятаться. Я радовался этому. Я прекрасно понимал, что то, что я буду читать – это моя жизнь в образах, созданных автором. Но то, во что превратилась моя жизнь – в текст, в сюжет – волновало меня. Отчего-то я был уверен, что за словами в книге лежит моя реальная жизнь, трезвая и очищенная от рассеянности и безумия. Я прекрасно понимал, что по своей внутренней конституции я очень далёк от намеченной мной ясности мыслей. Но мыслить ясно очень хотелось. Я только не понимал, почему я не могу быть из тех, которые могут… Я просто хотел быть, но не мог.

***

Острие копья в моём предплечье. Как же это больно! Никогда не было так больно. Странно, болит только один фрагмент твоего тела, а кажется, будто в агонии страданий весь окружающий тебя мир. Как же больно! Почему проезжающие мимо крестьяне не хотят видеть своей боли. Моей боли. Нашей боли? Солнце печёт голову. Это просто что-то невозможное.

– Сеньор, вы же хотите нам помочь? – спросил меня молодой парень, отдалённо напоминающий Максима. – Тогда прочитайте вот это! – продолжил он, не дождавшись моего ответа и стал совать мне в нос переплёт книги.

– Мне больно!! И тебе больно! – кричал я.

– Прочитайте! Вам станет легче! Прочитайте!! – продолжал человек. – Вы просто не стараетесь

– Что там?! Посмотри, откуда это копьё? Мне больно! Тебе больно!

– Там нет никакого копья, сеньор, – ответил он. – Прочитайте, прочитайте, хватит лениться!

***

Звук, звон, страх, вспышка. Так заканчивается мой еженощный кошмар. Смутные силуэты, фигуры размытых, как вода и дождь, много капель и одна, потом, снова. Я в ужасе открываю глаза. Сердце замерло. Ничего не видно. Мягкие руки Полины снова сживают мою голову.

– Я снова, – пытаюсь прохрипеть. – Я снова был там.

– Не волнуйся, – уверенно говорит Полина. – Тебе станет легче, надо потерпеть.

– Что потерпеть? – её голос приводит моё сердце в движение. – Ничего не проходит. Снова это мычание. Я не могу так.

– Ты сильный. У тебя всё получится.

– Оно не проходит, Полина! Оно не проходит!

– Ну что с тобой делать? – ласково произносит она и расслабляет захват.

Мы лежим молча. Я чувствую, как что-то тяжелое оседает в моём горле. Пищевод сдавлен. Сложно дышать.

– Я знаю, забывать сложно, но так нужно!

– Полина, не могу.

– Прекрати! Прекрати! – она сдавила моё горло. Несколько секунд воздух не проходит в мои лёгкие. Я слышу, как льётся кровь по её венам. А в голове бьётся шум дождя и пылает запах древесной коры.

– Успокоился?

– Не знаю, – слегка кашляя, ответил я.

– Я тоже не знаю, – её губы коснулись моего затылка. – Пахнет лесом?

– Да, – удивился я. – Откуда ты знаешь, что… Как?

– О! Так я угадала! – голос Полины наполнился звонкими нотами. Я обожаю, когда это происходит. – Мне кажется, если немного сдавить горло, то почувствуешь запах коры.

– Уже пыталась пробовать на ком-то ещё?

– Разумеется! – она облокотилась левой рукой на подушку, а правой стала гладить мои волосы. – Но пока безрезультатно. Мне казалось, что когда-нибудь должен появится в моей жизни человек, который будет испытывать нечто подобное. Не знаю, как это физиологически связано… Иногда я душу себя, запах дерева приходит сам собой. Ты любишь лес?

– Да, очень люблю.

– Расскажи мне о нём.

– Ну… – я сглотнул воздух. – Очень давно мы как-то ходили в лес. Вернее, это был даже лесопарк. Дорожки покрыты гравием, много скамеек вдоль аллеи.

– Что там были за деревья?

– Клён. Много клёна, – я стал говорить о его листьях и чувствовал, как каждая жилка моего тела покрывается причудливым узором растения. – Он был такой красивый.

– Это была осень?

– Да, жёлто-красные листья под ногами, это так приятно…

– Ты собирал их?

– Да, наверное, как и все…

– Как и все… – задумчиво проговорила Полина.

– А ты не собирала?

Я повернулся к Полине, но она уже отвернулась от меня, легла на правый бок и замерла. На мгновение мне показалось, что она мертва. Но уже спустя секунду она глубоко вздохнула и стала зевать.

– Спокойной ночи, – резко произнесла она.

– Я обидел тебя? – моё сердце стало биться очень быстро.

– Нет. Просто нужно спать, – она ещё раз зевнула и выключила свет. Я остался в темноте. Один. Полина больше не хотела со мной говорить.

***

Утром сильно болела голова. Я проснулся от ощущения, что одеяло прилипло к моему телу. Влажное, холодное, как будто недавно постиранное. Руки были связаны. Сложно было говорить. Я издал несколько нечленораздельных звуков с желанием сказать «Доброе утро!»

– Тише ты! – услышал я голос Полины. – Тебе нужно отдохнуть, ну и сил у тебя! – продолжила она, протягивая мне чайную ложку мёда.

Я слегка нахмурился и безоговорочно проглотил мёд. Желтоватая масса медленно стекала вдоль пищевода, пока сгусток сладости не остался в желудке.

– Рано утром ты стал неуправляемый, – вздохнула она. – Пришлось связать тебе руки. Ты знал, что с тобой такое бывает? И кричал ты так, что горло сорвал.

Я отрицательно покачал головой. Запах пота пропитал постельное бельё.

– Вот и я не знала, – задумчиво произнесла Полина. – Ты такой хороший, – она слегка улыбнулась. – Жалко будет, если что-то пойдёт не так. Ты такой молодой… Прости, что я… – её голос дрогнул.

– Что? – прохрипел я. – За что мне тебя прощать? – вопрос снова исчез в кашле.

– Тебе нельзя говорить. Не сегодня! – её рука коснулась ладонью моей щеки. – Потом у нас будет время поговорить. Ты ведь такой замечательный! Я не должна была трогать твои руки, прости меня.

За окном гудел ветер. Я ждал капли дождя, но они так и не зазвучали. Углы в помещении находились на своих местах, и я успокоился. Полина молча развязала мои руки, с подозрением посмотрела мне в глаза и очаровательно улыбнулась.

– Тебе сегодня ещё учиться!

Я слегка приоткрыл рот, вспомнив про задания, которые мне оставил Максим.

– Да, так что давай вставай! Иди на кухню. Я уже приготовила завтрак! Ты любишь яичницу?

Моя голова утвердительно закивала в ожидании скорого лакомства.

– Ну и отлично! Сегодня у тебя Герцен, «С того берега»… Кстати, твой Сервантес тоже тебя ждёт. Я узнала, что Максим разрешил тебе читать. Странный у тебя выбор, – она пожала плечами и ушла из комнаты.

Я пару минут лежал неподвижно, сел на кровать, протёр глаза освободившимися руками и стал думать. «Нужно поесть, умыться, найти бумагу в комнате у Максима, – мысли бегущей строкой проносились мимо глаз, – Где конспектировать? Он наверняка весь стол завалил очередными социалистическими газетами.»

В тот день я слушал ветер и много читал. Полина разрешила мне заниматься на кухне. Она мне не мешала. Знала, что завтра меня ждёт зачёт. У Максима будет много вопросов. Вероятно, не только по теории социализма.

***

– Так что же ты? – произнёс Максим. – Ты вот так и будешь конспектировать дальше?

Мы сидели на кухне. Полина отлучилась по каким-то делам, не желая нам мешать. За окном шел холодный дождь. Максим очень долго разбирал мои записи и остался очень недоволен ими.

– Это не конспект, это примитивное перечисление фактов.

– Что ты от меня хочешь?

– Я хочу от тебя, – он снял очки и небрежно протёр тыльной стороной ладони. Кажется, стёкла стали ещё более мутными. – Вдумчивого прочтения классиков социализма, – он сделал ударение на последнее слово и глубоко вздохнул.

– Максим, я стараюсь читать так, как это у меня получается, – в растерянности произнёс я. – Я не знаю, чего ты от меня хочешь.

– Я хочу понимания! – резко сказал он и сломал двумя руками желтый карандаш, который он не выпускал из рук уже около часа. – А ты просто пишешь, как будто тебе это неинтересно!

– Герцен и правда не очень интересный, – признался я и сфокусировал свой взгляд на жёлтой карандашной крошке. Мелкие крупицы стержня превратились в однородный порошок. Мне хотелось растереть его по бумаге. Воображение требовало больше красок.

– А ты знаешь, что Герцен всю свою жизнь отдал на борьбу с эксплуатацией?

– Знаю, – пробубнил я. Что-то подсказывало мне, что когда мы дойдём до Фурье, то нотации Максима мне придётся слушать, стоя на коленях и вымаливая у него прощение за своё хладнокровие по отношению к классикам социализма.

– … Социализма! – крикнул ещё раз он. Я не разобрал, что он говорил перед этим. Отвлёкся. – Социализм создавался усилениями многих. Все они были честными людьми, они хотели единства человечества! Они хотели равенства и свободы для народа! Мы с тобой даже представить не можем, чего им этого стоило.

– Видимо, много стоило, – безразлично ответил я.

Максим нервничал. Всё утро он, как заведённый, ходил из угла в угол и не мог остановить себя в своём возмущении. Мне становилось скучно. Резкие движения его тела тоже стали утомлять. Я ждал, когда вернётся Полина. Она мне должна помочь. Она в самом начале была на моей стороне. Я верил в это. Но она всё никак не приходила. Мне даже казалось, что с ней могло что-то случиться. Максим сообщил мне, что ей нужно поехать в город, что-то передать одному из его друзей. От этой мысли я волновался ещё больше. Сейчас Максим создавал вокруг себя лишь страх и неуверенность. Я боялся что-то возражать ему, хотя некоторая доля протеста в моих словах с каждым часом увеличивалась.

***

Слова Максима сплетались в единый комок негодования. Он говорил много. Говорил страстно, и в какой-то момент речь его была обращена явно не ко мне. Острый нос его, как клюв неизвестной мне птицы, пугал меня. В Максиме было что-то невозможное. Он то и дело чертил в воздухе какие-то фигуры и щёлкал пальцами в такт моему пульсу.

– Ты понимаешь меня? – сказал он неожиданно ещё громче обычного. – Вот это, – он схватил тетрадь с моими конспектами. – Обман! Ты хочешь врать мне и дальше?

– Нет, Максим, – спокойной проговорил я.

– Ты будешь меня слушаться?

– Да, Максим

– Ты не обманешь меня? – спросил сон и с презрением схватил мою тетрадь большим и указательным пальцем. – Не будешь больше так делать?

– Не буду, – пробубнил я в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.